

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

Виталий ГЛАДКИЙ

ИЗГОНЯЮЩИЙ ДЕМОНОВ

Всемирная история в романах

Виталий Гладкий

Изгоняющий демонов

«ВЕЧЕ»

2020

Гладкий В. Д.

Изгоняющий демонов / В. Д. Гладкий — «ВЕЧЕ»,
2020 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-8345-5

VIII век до н. э. В Древней Ассирии это время грозных царей, блистательных вельмож, а также жрецов-магов, устраивающих кровавые жертвоприношения. Колдовство – действительность, которая влияет на жизнь каждого, и потому неудивительно, что благодаря пророчеству колдуньи сын простого деревенского горшечника попадает в царский дворец. Но приключения юноши только начинаются, ведь он призван спасти правителя от смерти – оградить от демонов, посылаемых заговорщиками. Уникальный дар поможет «изгоняющему демонов» в его трудном деле.

ISBN 978-5-4484-8345-5

© Гладкий В. Д., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Об авторе	6
Пролог	8
Глава 1	18
Глава 2	28
Глава 3	35
Глава 4	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Виталий Гладкий Изгоняющий демонов

Виталий Дмитриевич Гладкий

© Гладкий В.Д., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Об авторе

Виталий Дмитриевич Гладкий родился 26 апреля 1947 года в селе Ярошовка на Сумщине (Украина) в казачьей семье. Он прямой потомок последнего кошевого атамана Задунайской Сечи и наказного атамана Азовского казачества Йосипа Гладкого. Отец, Дмитрий Николаевич, прошел Великую Отечественную войну от ее начала и до Победы. Ранения и перенесенные им тяготы военного времени не дали ему дожить до своего века. Он умер в 1955 году, на тридцать восьмом году жизни, оставив на руках жены, Екатерины Григорьевны, восьмилетнего сына и двухмесячную дочь.

Война вообще оставила на семье В. Гладкого глубокие, кровоточащие зарубки. И не только Вторая мировая, но и Первая, 1914 года. Перед самой революцией в разведывательном поиске погиб прадед, гренадер-пластун, георгиевский кавалер. А в 1945 году погиб дед по материнской линии.

К труду Виталий Дмитриевич приобщился рано. Сначала пас общественное стадо, затем колхозных лошадей, а в двенадцать лет уже работал наравне со взрослыми: косил сено, возил зерно телегами на ток, строил дом и даже был помощником комбайнера.

Учился в основном на «отлично». По окончании восьми классов (1961) поступил в Глинский индустриальный техникум, который окончил спустя пять лет с дипломом техника-горняка. Затем поступил на вечернее отделение Донецкого политехнического института. Защитив диплом, ушел в армию. Служил авиационным техником в Красноярском крае.

Отслужив свой срок, вернулся в Донецк. В 1973–1978 годах трудился на заводах Донбасса, пока не уехал на Колыму. Кто был на Крайнем Севере, тот никогда не забудет этот период своей жизни. Суровая природа не любит изнеженных обывателей. А Виталий Дмитриевич к таким и не принадлежал, поэтому прижился на Колыме легко и безболезненно. Работал газосварщиком на заводе по ремонту бульдозеров в городе Сусумане, штукатуром-маляром, плотником, бетонщиком, трудился в старательской артели, работал художником-оформителем и охотником-промысловиком. Строил мосты, промышленял белку и горностая, оформлял интерьеры ресторанов и кафе, мыл золото... Пробыл он в районах Крайнего Севера восемь с половиной лет.

Свою писательскую деятельность начал на Колыме в 1979 году. Первый его рассказ назывался «Колымская быль». Он был напечатан в районной газете «Горняк Севера». Позже, уже по приезде домой, в московском издательстве «Молодая гвардия» был издан сборник рассказов В. Гладкого о Крайнем Севере под названием «Жестокая охота». Большей частью это автобиографические повествования о его приключениях в колымской тайге, пропущенные через жернова писательского восприятия. У Виталия Дмитриевича трое детей – сын и две дочери.

В 1980 году в областной газете «Магаданский комсомолец» выходит первая повесть Виталия Дмитриевича под названием «Оборотни», через год там же публикуется повесть «По следу змеи», потом в течение последующих двух лет выходят в свет повести «Плацдарм», «Золотая паутина», роман «Архивных сведений не имеется». Все эти вещи печатались в периодике, в журналах «Искатель», «Советская милиция», в «Воениздате» (серия «Сокол»), в различных сборниках и в дальнем зарубежье. В своих произведениях Виталий Дмитриевич часто описывает единоборства и прочие штуки подобного рода. И это вовсе не случайно. Спорт в юности был частью его жизни. Он занимался боксом, вольной борьбой, каратэ, был хорошим стрелком. Острый, динамичный сюжет и тщательно выписанные характеры героев – главная отличительная черта романов В. Гладкого.

По возвращении из районов Крайнего Севера долгое время возглавлял издательство «Отечество». Виталий Дмитриевич основал всеукраинскую литературную премию имени М. Старицкого за лучший исторический роман. Он и сам лауреат премии имени В. Короленко.

Издано свыше пятидесяти романов В. Гладкого, общий тираж которых вышел за пределы 8 миллионов.

Виталия Дмитриевича всегда привлекала историческая тематика. Он является автором трех энциклопедических словарей: «Древний мир» (1997), «Славянский мир» (2001) и «Словарь нумизмата» (2006). Кроме того, им написано девятнадцать исторических и историко-приключенческих романов. И первым из них был «Меч Вайу», роман о скифах, над которым, как ни удивительно, он начал работать в семнадцать лет.

Избранная библиография В.Д. Гладкого:

- «По следу змеи» (1988)
- «Меч Вайу» (1997)
- «Басилевс» (1997)
- «Тайна розенкрейцеров» (2004)
- «Ушкуйники» (2012)
- «Ассасины» (2012)
- «Тень Торквемады» (2012)

Пролог Пророчество

*Ашшурь, как волки, спустились к нам с гор,
Блещут коготы их золотом и багрецом.
И копья сверкают без счета, как звездный узор,
В волнах Галилейских, на море ночном¹.*

Дж. Г. Байрон

Горы угрожающе нависали над горсткой путников, привычных к равнине. Они были красивы, в особенности с дальнего расстояния, – на северной гористой окраине Земли Ашшур², названной по имени бога – покровителя страны, часто шли дожди, и горные массивы все еще носили пышные зеленые одежды. Но в приближении виды скальных отрогов, нависавших над неширокой тропой, поневоле вызвали душевный трепет своей мрачной непредсказуемостью. Казалось, что они могут в любой момент обрушить каменный град на небольшой отряд конных воинов, которые сопровождали Кисир-Ашшур, ашшипу – лекаря-жреца при храме Ашшур и колдуна, как считали многие, и тогда их не спасет даже богатая жертва, принесенная перед дальней дорогой богу земли и магии Энки.

Иногда где-то далеко раздавался грохот сходящей вниз лавины, и испуганные лошади, прядая ушами, упрямо не желали продолжать движение, пятились назад, и только плечи воинов заставляли их продвигаться дальше по неизвестно кем протоптанной тропе, которая становилась все уже и уже.

Земля Ашшур поначалу занимала небольшую территорию вдоль верхнего течения Идигна³ и его восточных притоков. К западу от нее открывалась обширная степь, издавна населенная кочевыми племенами, а на севере Ашшур незаметно переходила в нагорье. Но затем эти границы значительно расширились благодаря завоеваниям.

Степи и горные районы, окружавшие страну, были покрыты скудной растительностью. Население здесь с давних времен занималось скотоводством. Только в долинах рек, несущих весной много воды после таяния горных снегов, было развито земледелие. Земледелием занимались и в долине Идигна, хорошо орошаемой периодическими разливами великой реки.

Осенью, когда открывались врата небесного океана (так считали жрецы Ашшур), шли дожди, зима держалась недолго, но земля нередко покрывалась снегом, и становилось морозно. Ранней весной, которая наступала уже в месяце аддару⁴, долина и степь покрывались сочной травой – прекрасным кормом для многочисленных стад домашнего скота. Однако жаркое солнце уже в начале лета сжигало всю растительность. Хлеб обычно снимали в месяце дуузу⁵, а затем жара становилась нестерпимой. Даже в орошаемых садах сохли сочные растения.

Горы покрывали леса и кустарники, изобилующие дичью. Здесь с древних времен люди находили различные сорта камня и металлическую руду, необходимые для развития ремесел. Местами горные кряжи были изрыты норами древних рудокопов, – превосходными убежи-

---

¹ Перевод автора.

² Земля Ашшур – Древняя Ассирия.

³ Идигна (*шумер.*) – древнее название реки Тигр. Хурриты называли реку «Аранцах».

⁴ Аддару – февраль – март по вавилонскому календарю.

⁵ Дуузу – июнь – июль по вавилонскому календарю.

щами – которые облюбовали не только звери, но и разбойники. Поэтому воины отряда, охранявшие ашипу, были бдительны и держали оружие наготове.

У Кисир-Ашура не выходил из головы колдовской обряд, из-за которого ему пришлось просить совет жрецов отпустить его в длительное путешествие. В тот момент он занимался изгнанием демона из наложницы повелителя Ашшура, за которой неусыпно следил благообразный евнух (мало ли что может взбредить в голову достаточно молодому лекарю).

Болезнь юной девицы явно была навеяна колдовскими чарами, это ашипу определил сразу. Жители Земли Ашшур полагали, что все болезни происходят от богов, демонов и призраков в наказание за грехи и пороки. Человек может также заболеть от колдовства. А гарем царя – правителя Земли Ашшур – представлял собой змеиное гнездо; уж это придворному лекарю Кисир-Ашуру было хорошо известно.

У царя было три жены, помимо множества наложниц; главной считалась та, которая первая родила ему сына. Она носила почетный титул царицы, который оставался за ней даже после смерти царя. Ее жизнь в гареме не была похожа на скучное прозябание менее счастливых товарок. Те были навсегда заперты в гареме и вели тоскливый, однообразный образ жизни. Им оставалось только примерять новые платья да прихорашиваться: румянить лицо, красить брови, ресницы и глаза, целыми днями вертеться перед бронзовым зеркалом.

Положение царицы было иным. Она могла показываться вместе с царем на пирах и торжественных приемах и видеть не только надоевших ей евнухов и рабынь гарема. Кроме нарядов и туалета у нее были и другие заботы – царь дарил ей большие поместья, которыми она управляла лично с помощью великого визиря. Он часто приходил к царице с докладами, и она беседовала с ним даже о государственных делах и политических новостях.

Царица иногда оказывала немалое влияние на своего супруга. Поэтому к ней обращались обиженные или ищущие выгодных должностей просители, добивающиеся милости у царя. Она могла свободно принимать просителей на своем дворе и иногда удовлетворяла их просьбы, что, впрочем, не исключало тайного надзора со стороны евнухов и служанок.

У каждой из трех жен царя имелись свои особые покои, состоящие из залы, передней и спальни. Стены в покоях выложили разноцветными кирпичами, а у входа в спальню были изображены роскошные гирлянды из пальмовых ветвей, считавшихся эмблемой плодovitости. Все три покоя располагались один около другого в южном углу дворца, примыкая к двум маленьким дворикам. Весь этот комплекс составлял особую изолированную часть дворца. Доступ сюда тщательно охранялся.

Царица и другие жены царя редко жили в мире друг с другом. Постоянные ссоры и интриги, вечная забота об этикете – все это раньше времени старило затворниц гарема. Тупая злоба, хитрость, ревность, мстительность были характерными чертами гаремных затворниц и порождали иногда страшные преступления. А уж про наложниц и говорить нечего. Их жизнь ничего не стоила.

Кисир-Ашур, несмотря на молодость, давно закончил обучение в жреческой медицинской школе при храме Ашшура и считался не просто опытным, а талантливым лекарем, успешным специалистом по изгнанию из человека демонов, которые приносили тяжелые болезни и смерть. Учился он долго и во время обучения сначала лечил животных, а позже – детей. Ашипу-ученику не разрешалось излечивать взрослых до окончания учебы. Дела Кисир-Ашура пошли вверх, когда он вылечил царицу, одну из жен царя, от какого-то неизвестного недуга, над которым безуспешно бились лучшие врачеватели и колдуны Земли Ашшур.

Возможно, это был просто миг удачи (так считали многие его завистники), но, скорее всего, ему помог особый дар, унаследованный от отца – тоже ашипу. Он мог определить болезнь и способ ее лечения некими манипуляциями. А точнее – просто возложив руки сначала на чело больного, а затем медленно оглаживая тело с головы до ног. В этот момент перед его внутренним взором открывалась истинная картина заболевания, и тогда излечить недуг не

составляло особого труда. Конечно, если за болезнью не стоял какой-нибудь страшный демон, изгнать которого из тела заболевшего могли только боги.

Именно такого демона предстояло победить Кисир-Аштуру, когда к нему принесли на носилках больную наложницу – девушку необычайной красоты из Вавилона. Демон не просто тихо внедрился в несчастную; он бушевал, волнами прокатываясь по всему ее смуглому точечному телу. Кисир-Ашур уже знал, что эта наложница пользуется особым расположением царя, поэтому совсем не удивился столь печальному состоянию, в котором она оказалась.

Молодой ашипу решил обратиться за помощью к Шамашу – богу солнца, правосудия и справедливости. Считалось, что каждую ночь он посещает подземный мир, чтобы судить мертвых. Из-за того, что Шамаш был богом, связанным с мертвыми, те, кто страдал от преследования призраков и от безумствующих в теле демонов, часто обращались к нему в молитвах и при проведении магических ритуалов.

Кисир-Ашур знал, что это может быть опасно, – рассерженный Шамаш, которому помешали отдохнуть после свидания с Нергалом, владыкой преисподней, богом смерти, войны и разрушений, обладающим весьма скверным характером, мог запросто усугубить болезнь, а лекарю доставить много разных неприятностей. Поди знай, когда Шамаш выходит из темноты подземного мира на свет ясный...

И все же ашипу решил рискнуть. Первым делом он прочел молитву и попросил красавицу-вавилонянку быть искренней, покаяться в своих грехах, которые она могли по неведению совершить против призраков или богов. Когда девушка, запинаясь и время от времени издавая протяжные стоны, которые, казалось, шли не из горла, а из ее чрева, рассказала все, что могла вспомнить, лекарь невольно вздрогнул.

Это прелестное, с виду совершенно невинное создание затеяло опасную интригу, намереваясь занять место одной из цариц! Только вселившийся в девушку демон мог подсказать ей весьма хитроумный план, который в конечном итоге привел бы к смерти царицы, чтобы вавилонянка имела возможность как первая фаворитка занять место на ложе царя Ашшура на вполне законных основаниях. А затем стоило побороться и за титул главной жены...

Ашипу, собрав всю свою волю в кулак, призвал на помощь Шамаша. Магический ритуал и заклинания, которые исторгали его уста, Кисир-Ашур применил в своей практике впервые. Жрец-наставник из медицинской школы предупреждал молодого человека, что эту магию можно использовать только в крайнем случае. Она могла обернуться гибелью самого врача-лечителя. Слишком много внутренней энергии ему приходилось тратить, чтобы Шамаш услышал зов ашипу и помог излечить больного.

Тем не менее Кисир-Ашур хорошо понимал, что, излечив фаворитку повелителя, он сразу же станет первым среди царских ашипу. А это предполагает большие почести и весомые награды, которые позволят ему не только лечить больных вельмож, но и заниматься научными изысканиями, что и было его заветным желанием.

Когда он закончил довольно длинное заклинание, и впрямь отобравшее много внутренних сил, случилось невероятное. Больная вавилонянка, которая прежде не могла даже ходить, вдруг вскочила с ложа, куда ее определил асу⁶, – старший помощник лекаря, руководивший учениками медицинской школы, проходившими практику у одного из самых известных ашипу Земли Ашшур, – и начала говорить.

О боги, что это была за речь! Кисир-Ашур помертвел от ужаса. Он был знаком с наложницей царя – однажды главный евнух гарема пригласил его освидетельствовать девушку на предмет физического здоровья и прочего, о чем мужчина (если только он не лекарь) знать не

---

⁶ Асу – в шумерском языке означает «человек, который знает воду (или масло)». Первоначально асу был человеком, занимавшимся предсказаниями на воде. Асу – фармацевт, составитель лекарств. В отличие от ашипу, в основной своей массе жрецов, которые изгоняли демонов из тел больных с помощью заклинаний, асу были врачами-практиками, отдававшими предпочтение различным лекарственным снадобьям.

должен и не обязан. Тогда вавилонянка весело щебетала – как птичка. У нее был удивительно мелодичный голосок.

Однако ее неожиданное «исцеление» сделало вавилонянку настоящим монстром. Светлое лицо наложницы, как показалось лекарю, стало шире, оно почернело; его обезобразила хищная гримаса и демонический огонь в черных глазах. А голос точно был не ее. Она не говорила, а рычала, словно озлобленный пес, и Кисир-Ашур с трудом улавливал смысл слов, которые вылетали из ее горла. Она словно выплевывала их вместе с брызгами пенившейся слюны.

– Если хочешь... хр-р!.. спасти нечестивца на троне Земли Ашшур... хр-р! хр-р!.. иди в Горы Мрака! Там ждет тебя великое пророчество! Ты узнаешь... хр-р!.. все! Не пойдешь – сам умрешь! Шамаш гневается! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!..

Дикий хохот вавилонянки совсем сразил ашипу. Он перестал что-либо соображать, хотя речь демона, который вещал розовыми устами красавицы-вавилонянки, запомнил накрепко.

Пока Кисир-Ашур стоял, как столб, девушка стремительно шагнула к нему, схватила рукой за горло, легко подняла его, словно он был легче мешка с гусиным пухом, и швырнула к стене кабинета, в котором ашипу обычно лечил высокопоставленных больных. Для остальных вельмож и чиновников рангом ниже существовала приемная, которой заведовал асу. А простолюдины и вовсе приходили к ашипу в определенные дни на обширное подворье храма Ашшура, жрецом которого являлся придворный лекарь.

Удар о стенку был настолько сильным, что Кисир-Ашур на некоторое время потерял сознание. А когда очнулся, то увидел, что вавилонянка лежит на полу и спит здоровым сном. Ее темное лицо посветлело и вновь окрасилось румянцем, дышала она легко и свободно (не так, как прежде, – с хрипами), а демон явно покинул ее соблазнительное тело, что не преминул отметить молодой лекарь сразу же после своего «пробуждения». Отметил – и устыдился.

Врачеватель не должен думать во время лечения ни о чем мирском, тем более – плотском...

Спустя три дня наложница, как ни в чем не бывало, развлекала царя. А тот был на вершине блаженства – к нему вернулось его самое драгоценное сокровище! Что касается Кисир-Ашура, то он был назначен в Совет придворных ашипу (что уже было огромной милостью правителя Земли Ашшур!) и получил увесистый кошелек с золотом. Но самое главное – он выпросил у царя месяц для того, чтобы поискать в горах чудодейственные лекарственные травы. Какие именно, царя конечно же, не интересовало.

Но на самом деле Кисир-Ашур вознамерился последовать совету демона, изгнанного им из тела девушки. Он знал, что в Горах Мрака живет прорицательница Баниту. Это была хорошо известная в Земле Ашшур колдунья, к которой за советом обращались даже самые высокопоставленные вельможи государства.

Она ютилась в пещере. Как Баниту выживала в тех местах, трудно было представить. Горы не зря получили такое мрачное наименование. Там, где находилось жилище прорицательницы, образовалось глубокое ущелье, и черные скалы почти закрывали небесный свод. Поэтому, солнечные лучи редко оказывались у порога пещеры (только в полдень), хотя, с другой стороны, в знойные летние месяцы это было удобно – в ущелье всегда царила прохлада. А зимой скалы охраняли жилище прорицательницы-колдуньи от злых северных ветров.

Понял Кисир-Ашур и намек демона на нечестивца, узурпировавшего трон Земли Ашшур. У прежнего царя было два сына от главной царицы, и править государством должен был старший Шульману-ашаред V⁷. Одновременно он был царем Вавилонии под именем Улулай.

Шульману-ашаред сразу же решил покончить с привилегиями старой знати и с этой целью отменил податные и налоговые льготы, которые имели древние города Ашшур, Вавилон

---

⁷ Шульману-ашаред V (аккад.) – Салмансар V, царь Ассирии приблизительно в 727–722 гг. до н. э. Сын Тиглатпаласара III.

и Сиппар. Тем самым новый царь нанес сильный удар аристократии. Конечно же, эта реформа вызвала большое недовольство и сопротивление влиятельных вельмож. Они ждали лишь удобного момента, чтобы организовать заговор против царя.

И дождались. Самария⁸, столица Израиля, рассчитывая на поддержку правителя Та-Кемет⁹, отказалась платить дань Земле Ашшур. Когда царь узнал об этом, он приказал захватить и бросить царя израильтян Осию¹⁰ в темницу. В решающей битве войска Израиля были разбиты, и ашшурцы подступили к Самарии. После того как Шульману-ашаред за три года так и не смог взять приступом Самарию, положив под ее стенами огромное количество воинов, в стране случилось восстание, и первенец царя был свергнут знатью.

А на трон вельможи возвели младшего сына, который взял имя Шаррукин¹¹ – «Истинный царь». Видимо, он надеялся этим подчеркнуть, что получил власть законным путем, хотя на деле она была насильственно отнята им у старшего брата.

В первый же год своего царствования Шаррукин взял Самарию, пленил Осию и разгромил Израиль. Около тридцати тысяч израильтян были переселены в Мидию, Месопотамию и Землю Ашшур. На их место поселили колонистов из завоеванных областей Нижнего Идигна. Новой хальсум (провинцией) стали править наместники и чиновники царя.

Кисир-Ашурову вовсе не хотелось, чтобы Шаррукин ушел из жизни прежде времени. При нем лекарь был обласкан и удостоен высоких почестей, а как будет при другом царе – это еще вопрос. Но сказать царю прямо, что наговорил демон, вселившийся в тело фаворитки, осторожный ашипу не решился. Откровенность лекаря могла обернуться для него самого большими неприятностями. Какому мужчине будет в радость узнать, что в теле возлюбленной, возможно, осталась демоническая частичка? И уж самому царю вовсе не захочется, чтобы об этом знал еще кто-то.

А то, что демон мог затаиться в теле вавилонянки, не исключено. Демоны хитры и нередко они обманывают даже богов. А уж простых смертных – тем более.

Царский конюший для путешествия в опасные Горы Мрака ашипу, столь отличившегося при лечении драгоценной для повелителя наложницы, даже выделил ему в сопровождение два десятка лучших всадников под командованием опытного лапуттама¹². Их лошадки были низкорослыми, но очень выносливыми и быстрыми.

Что касается лекаря, то он путешествовал на колеснице. В отличие от двухколесных военных колесниц, его транспортное средство имело четыре колеса и скамейки для сидения – как колесничего, так и пассажира, а также двух пристяжных (запасных) лошадей. Ими можно было воспользоваться в случае опасности в горах, потому как на колеснице по узким горным тропам от врагов не уйти.

Увы, колесницу при входе в Ущелье Гроз пришлось оставить. Довелось спешиться и воинам. Дальнейший путь представлял собой извилистую тропу среди нагромождений скальных обломков, где сам демон ноги ломает, не говоря уже о лошадях. По скользким камням идти было трудно, и хорошо, что Кисир-Ашур догадался надеть не сандалии, а высокие шнурованные спереди сапоги без каблуков. Такая обувь только начала входить в армейский оби-

---

⁸ Самария, Шомрон (*ивр.*) – столица Северного Израильского царства, а также область, которой город и дал название. К области Самария относят территории на восточном берегу реки Иордан. После захвата Израильского царства Ассирией десять колен Израиля были угнаны и потеряны. Вместо них ассирийский царь поселил в Самарии племя кути (куттов), которые стали называться самаритянами.

⁹ Та-Кемет (*др. – egypt.*) – Черная Земля; так в древности называли Египет. Кроме этого существовали названия Та-Мери, Та-Уи, Кеми и другие.

¹⁰ Осия, Гошэя бэн Эйла (*ивр.*) – последний правитель Израильского царства, царствовавший девять лет в 731–722 гг. до н. э.

¹¹ Шаррукин II (*аккад.*) – Саргон II, царь Ассирии приблизительно в 722–705 гг. до н. э. Младший сын Тиглатпаласара III.

¹² Лапуттам – командир отряда численностью примерно в 100 человек.

ход, в основном среди командного состава. Даже пешие царские гвардейцы – зук-шепе – были босыми (сандалии предназначались только для парадов), не говоря уже о других родах войск.

В Ущелье Гроз дожди шли столь часто, что небольшая речушка, струившаяся по его дну, даже в самые жаркие месяцы была полноводной, а уж в осенне-зимний период она и вовсе представляла собой широкий и бурный поток, ревущий, как толпа демонов, вырвавшихся из преисподней. И горе тому бедолаге, которому вздумается в это время пойти на поклон к старой колдунье и прорицательнице Баниту.

Дождливое ненастье в Ущелье Гроз обрушивалось внезапно. Тучи мигом заполняли узкое пространство между скалами, опускаясь совсем низко, и ущелье превращалось в мрачную пещеру с черным клубящимся сводом, откуда появлялись не отдельные капли дождя, а падал, рушился ливень, да такой, что дышать было невозможно. И ладно бы только эта напасть. Так еще черные тучи время от времени кромсали молнии, и страшный грохот грозовых раскатов буквально сводил с ума.

Но в этот раз все обошлось наилучшим образом. Преодолев осклизлые камни, Кисир-Ашур и сопровождавшие его воины начали подниматься вверх – к пещере Баниту. Собственно говоря, она жила в хижине. Прорицательница была очень старой, и если раньше ее ложе находилось в чреве горы, то теперь ее мучили костные боли, и она не выносила сырости, которая постепенно скапливалась на стенках пещеры, особенно в холодное зимнее время, когда горел очаг.

Прорицательница сидела у костра перед своим жилищем и что-то стряпала в изрядно закопченном бронзовом котелке. Никто не знал, какого она роду-племени и сколько ей лет. Лицо старухи превратилось в морщинистую маску, которая долгие годы оставалась неизменной. Казалось, что для нее время остановилось или текло мимо. Космы седых волос ниспадали на ее плечи, оттеняя смуглое почти до черноты лицо. Колдунья и так не отличалась белизной кожи, а уж копоть очага и вовсе превратила ее в женщину из страны Нуб¹³.

Оставив сопровождающих его воинов внизу, на неширокой ровной площадке, – они буквально упали на камни; даже для выносливых солдат дорога оказалась чересчур тяжелой – Кисир-Ашур поднялся по вырубленным в скале ступенькам к входу в пещеру. Кто их сделал и когда, можно было только гадать. По крайней мере, пещера существовала уже тогда, когда Баниту еще и на свете не было.

Колдуны Земли Ашшур шептались между собой, что пещера была местом, где выходил на поверхность сам бог Даган¹⁴, который по длинному тоннелю, наполненному водой, поднимался из морской пучины на поверхность земли, чтобы понежиться под солнечными лучами в таком месте, где его никто не мог видеть. А он выглядел и впрямь устрашающе – огромное чешуйчатое чудовище, похожее на человека с рыбьим хвостом.

Так это было или нет, но Баниту подобные легенды не пугали. Возможно, частые землетрясения завалили тоннель, Даган перестал пользоваться этим выходом и где-то нашел новый, но, как бы там ни было, а в огромной пещере остался идеально круглый бездонный колодец, наполненный странной водой. Она была масляниста на ощупь, темна и скверно пахла и, конечно же, пить ее нельзя было. Зато творить колдовство – в самый раз.

Баниту была подслеповата. Но слух у нее оказался отменным. Несмотря на то, что ашшиту в своих сапогах на мягкой кожаной подошве ступал тихо, как большой кот, прорицательница услышала его шаги и сказала, не поворачиваясь к лекарю:

---

¹³ Нуб, Нубия – историческая область в долине Нила, между первым и шестым порогами, то есть севернее суданской столицы Хартума и южнее Асуана в Египте.

¹⁴ Даган, Дагон – почитался как бог-покровитель земледелия и рыбной ловли. Упоминается в аккадских (ассиро-вавилонских) источниках (III–I тыс. до н. э.) и текстах Мари, Эблы и Угарита, а также в личных именах аккадских царей (Иддин-Даган, Ишме-Даган).

– Напрасно пришел. Сегодня ночь Кровавой Луны. Или ты хочешь услышать страшное пророчество?

– Я знаю, о мудрая, – ответил Кисир-Ашур. – Поэтому я здесь.

– Кто ты?

– Я ашипу повелителя Земли Ашшур.

– А-а... Кхр! – Голос старухи и до этого был резким и слегка хриловатым, а последний звук и вовсе напоминал карканье вороны. – Прости, что не могу поклониться тебе в ноги. Спина проклятая замучила. Старой я стала...

– У меня есть средство поставить тебя на ноги, – с невольным смешком ответил лекарь.

Он словно знал, чем ему убажить колдунью, которая обладала скверным характером. Любо́й человек, который обращался к ней за прорицанием, обязательно должен был поднести Баните какой-либо подарок – жертву ее богам (имена которых никто не знал). Однако она могла и не принять подношение. Золото и драгоценности ей не были нужны, и за свои услуги прорицательница в основном брала продуктами и одеждой. Конечно же, Кисир-Ашур это знал и приготовил старухе много разных вкусовностей, а также теплое шерстяное платье и одеяла.

Но лекарь был еще тем хитрецом. Прежде чем отправиться в путешествие к Горам Мрака, он расспросил тех, кто здесь побывал. И выяснил, что старуха, несмотря на свои вещие способности, хворает точно так же, как обычный человек. А поскольку в Ущелье Гроз почти всегда царил сырость, он предположил, что у нее должны болеть кости, поэтому и захватил с собой мазь, в состав которой входил змеиный яд.

Он сам ее придумал, не рискнув открыться даже своему доверенному асу. Еще чего! Если престарелые царские вельможи узнают, чем он их лечит, то ему откажут в доверии, или того хуже – пошлют на плаху.

Ведь один из самых страшных демонов Зохак имел три головы – две змеиных и одну человеческую. Он обитал в Вавилонии, которая издревле считалась средоточием злых сил. Поэтому люди Земли Ашшур относились к змеям со страхом и предубеждением, хотя, как выяснил любознательный лекарь, древние колдуны-целители не гнушались использовать в своих снадобьях не только яд пресмыкающихся, но также их кости и кожу.

Его мазь оказалась просто превосходной. Состав ее был очень сложным; Кисир-Ашур долго бился над ним, пока не достиг желаемого результата. Мазь желтоватого цвета приятно пахла цветами и медом, хорошо впитывалась в кожу и быстро приносила облегчение.

– Наверное, много золота? – не без иронии спросила колдунья.

– Нет. Для тебя я привез тюк с продуктами, теплой одеждой и одеялами. Но не это главное. Вот... – С этими словами лекарь подал старухе плотно закрытый горшочек с мазью.

Она сняла крышку с горшочка, понюхала его содержимое и удивленно спросила:

– Что это?

– Твое спасение, о мудрая. Стоит нанести эту мазь на больную спину, и ты побежишь, как девочка.

– Да ну? – удивилась Баниту. – Не очень верится...

– А мы попробуем...

Спустя недолгое время старуха уже бодро расхаживала (только косточки хрустели) вдоль скального обрыва, в котором чернел огромный зев пещеры, и радостно улыбалась щербатым ртом. Мазь и впрямь сотворила чудо.

– Только хочу еще раз тебе напомнить, – наконец молвила она, насладившись свободой движений, – что ночь Кровавой Луны не лучшее время для прорицания хорошему человеку. А ты именно такой.

– О мудрая, прорицание будет касаться другого...

– А... Ну, тогда можно.

Кисир-Ашур про себя подивился: почему старуха не спросила его, откуда он знает про ночь Кровавой Луны? Ведь такие знания недоступны простому смертному. Да и сам ашипу до поры до времени этого не знал. Но ему способствовала удача. Он сдружился с престарелым звездочетом, который сутками сживал в каменном мешке – высокой башне с куполом. В нем были прорезаны крест-накрест неширокие щели, через которые старик наблюдал за звездным небом.

У него была почти такая же беда, как и у прорицательницы; только болела не спина, а ноги. Мазь с ядом змеи и ему помогла, и благодарный звездочет рассказал лекарю про ночь Кровавой Луны, когда колдовские ритуалы (в том числе и прорицания) обретают особую силу.

Явление Кровавой Луны само по себе очень редкое, и было бы грех не воспользоваться таким случаем. Правда, для колдовских действий нужна была кровь, но Кисир-Ашур все же предполагал, что не человеческая. Для жертвы он привез с собой по совету бывалых людей черного барашка. И несколько амулетов с драгоценными камнями – из подарков Шаррукина; к ним прикасались руки повелителя, а это было очень важно. А еще ашипу предупредили, что ни в коем случае нельзя долго смотреть на полную Луну. Иначе можно сойти с ума...

Ночь заполнила ущелье, как накат вешней воды, – быстро, с напором, сверху донизу. Дождаясь, пока Кровавая Луна покажется на небе, колдунья зажгла небольшой костерок, посыпала в него какие-то пахучие травы и долго что-то бормотала себе под нос. А затем она взяла драгоценные амулеты Кисир-Ашура, разложила их вокруг костра по кругу, и окропила каждый из них несколькими капельками жертвенного барашка.

Вдруг площадка возле пещеры озарилась мягким красным светом – над краем обрыва показалась Кровавая Луна! Этот момент стал для ашипу и ожидаемым, и неожиданным. Он напрягся и принялся вслушиваться в речи прорицательницы. Она говорила на древнем аккадском языке, который уже мало кто знал, но только не хорошо образованный ашипу. Он специально выучил эту речь, чтобы разобраться в древних медицинских рецептах и предписаниях, изложенных клинописью на глиняных табличках, хранившихся в Уре.

– Будь то злой утукку, злой алу, злой этемму, злой улу, злой илу, злой рабицу, ламашту, лабацу, аххазу, лилу, лилит, ардатлили, смерть, огонь, зло, какое бы оно ни было, бедствие, не имеющее названия, пусть оставят меня... – Прорицательница творила заклинания, будто сплевывала фруктовые косточки.

Ее речи были темны и непонятны, хотя и сам ашипу в колдовских науках, что называется, собаку съел. Для жрецов-врачевателей Земли Ашшур творение заклинаний при лечении больного были такими же естественными, как и составление рецептов лекарств. Он лишь сообразил, что Баниту перечисляла всех демонов, чтобы не дать ускользнуть ни одному, иначе он может вмешаться в процесс прорицания и исказить его смысл.

– Это я, Баниту, призываю вас, божества ночи, и с вами я призываю ночь, невесту, окутанную покрывалом, я призываю вечер, полночь и утро. Они не должны наполнять мой рот «ку», они не должны закрывать мой рот «упунту». Мое веселье не должно обернуться стонами, моя радость не должна смениться печалью. Восстаньте, великие боги, выслушайте мою просьбу, воздайте мне по справедливости, узнайте мои дела и дайте мне возможность узнать то, что я хочу! Пусть чужая магия, чужое колдовство, чужие чары растворятся, пусть тамариск, почка которого распустилась, меня освободит, а враждебные слова улетят по ветру. Пусть маштакаль-трава, которой покрыта земля, очистит меня, пусть гишшешаку, которым полнится жатва, освободит меня. Пусть перед Кровавой Луной я заблитаю, как канкал, и буду сверкающей и чистой, словно ларду! Пусть три стражи ночи рассеют злые чары!.. – Голос колдуньи крепчал, он уже гремел, как гром; она вдруг возопила: – Узел судьбы развязан, ее чары рассеяны!!!

С этими словами Баниту упала на землю, ее тело начала сотрясать судорога, а изо рта пошла пена. Казалось, что она умирает, при этом стараясь что-то вымолвить, возможно, последние слова. Но Кисир-Ашур даже не пытался чем-то ей помочь. Он знал, что колдунья

впала в транс. Именно в такие моменты на Баниту снисходило озарение и ее прорицания были потрясающе точными.

– А-аи-и!!! – Крик, который можно было принять за предсмертный, вырвался из горла прорицательницы, и она вдруг начала говорить почти связно: – Глина... Везде глина... Царя может спасти от верной смерти только божественное провидение! И человек, которому подвластна глина... Глина! Бог Энки дал ему такую власть! О-о!.. Пусть царь особо опасается за свою жизнь в месяце айру¹⁵! В нем его гибель! – Баниту дернулась последний раз и потеряла сознание.

Кисир-Ашур подложил прорицательнице под голову какое-то тряпье и, совершенно сбитый с толку, отошел в сторону. Усевшись на плоский камень, – ноги предательски подрагивали и подгибались от огромного внутреннего напряжения – он задумался.

Ашипу не сомневался в достоверности прорицания Баниту. В транс ее дух улетал к порогу божественной обители, где она узнавала все, что ей было нужно. Эта способность была опасной для колдуньи, и не только для нее. Ведь никто не может знать, как отнесутся боги к тем людям, которые выведывают у них сокровенные тайны бытия. Если у божественных обитателей острова Дильмун во время прорицания будет плохое настроение, то они вполне могут перерезать нить жизни.

Остров Дильмун был чистой, светлой и сияющей землей. Это место, где всходило солнце. Его обитатели не знали ни болезней, ни смерти. Была лишь одна проблема – там не хватало пресной воды. И тогда великий бог водной стихии Энки повелел богу солнца Уту напоить остров пресной водой, добыв ее из-под земли. Дильмун превратился в божественный сад с обильными плодами, полями и лугами. Там не каркает ворон, лев никого не убивает, а волк не крадет ягненка. Так остров Дильмун стал благословенной обителью богов.

Но почему Баниту заговорила про бога Энки? Согласно древним преданиям после Сотворения мира племя великих богов и подвластных им духов-ануннаков все умножалось. Они заселяли небесный свод, земной диск и подземный мир. Чем больше становилось бессмертных, тем меньше оставалось у них средств для пропитания.

Трудолюбивая дева Ашнан не успевала готовить зерно, а ее брат, кроткий пастырь Лахар, усердно доил овец и коз, но молока не хватало для бесчисленных богов и богинь. Они ели хлеб, но не насыщались, они пили сливки, что приносил им Лахар, и вино, приготовленное прекрасной Ашнан, но мучительная жажда продолжала терзать их.

И тогда боги и богини обратились за помощью к богу мудрости Энки – чтобы тот нашел способ умножить количество еды и питья, создав помощников заботливой Ашнан и доброму Лахару. Энки вышел из бездны вместе с богиней земных недр Нинмах, а следом за ним двинулась толпа горшечников, несущих комья мягкой глины.

Энки принялся за дело и трудился долго и тщательно. Бог вылепил из глины сильных и разумных мужчин и женщин, во всем подобных богам. Но он лишил их бессмертия и они должны были смиренно и безропотно служить великой семье богов и богинь, помогая божественной дева Ашнан и ее брату Лахару доставлять в храмы пищу и питье. Каждый раз, когда люди пытались действовать самовольно и добиваться того, что недоступно для них, бессмертные боги безжалостно смиряли бунтовщиков.

Энки... Глина... И человек, которому она подвластна. Горшечник? Возможно. Но не факт. Что бы это могло значить? – думал совсем сбитый с толку ашипу.

Изобилие высококачественной глины в Земле Ашшур способствовало подъему строительного и гончарного искусства. Опытные уммеа – мастера – страны славились изготовлением разноцветных керамических плит, которыми облицовывались дворцы, храмы и здания. На глиняных дощечках писали тексты, на глине строили дворцы, а также мазанки бедняков

---

¹⁵ Айру – апрель – май по вавилонскому календарю.

из тростника... Глина сопровождала ашшура с первого вздоха до самой кончины, когда его укладывали в могилу, выкопанную в глинистом грунте, окружив керамическим кувшинами и мисками с загробными питьем и едой, или помещали в большую глиняную корчагу...

Всю обратную дорогу Кисир-Ашур усиленно размышлял. И чем больше он думал о странном пророчестве Баниту, тем сильнее его охватывало беспокойство. Разгадать его смысл он не мог. Не помогла ему в этом и сама пророчица, когда пришла в себя. Она вообще ничего не помнила из того, что говорила, будучи в божественном трансе.

Глава 1

Деревня горшечников

Небольшая деревенька горшечников имела незамысловатое название – Шаду, то есть Гора. Она находилась на берегу Идигна среди высоких глинистых холмов, неподалеку от Ниневии. Конечно, в Земле Ашшур глины хватало, но та, что хранилась в необъятном чреве горы, у подножья которой располагалась деревня и которая дала ей название, была просто великолепно качества.

Гончарное ремесло получило в Земле Ашшур широкое распространение. Глина заменяла ашшурам недостающие материалы. Из глины делали посуду, тазы, бочки, ящики, сосуды для хранения припасов, жаровни, веретена, светильники и даже серпы; а глиняные таблички, конусы, цилиндры и призмы служили писчим материалом.

Что касается камня, то его приходилось ввозить из других стран. Этот материал был дорог, и люди пользовались лишь самыми необходимыми каменными орудиями, такими, как терка, мельница для зерна, пестик. Кроме того, в царских дворцах и храмах можно было увидеть великолепно отполированные вазы и чаши из алебастра. В небольших изящных каменных сосудах хранились духи и благовонные масла, из камня изготавливали также царские статуи и стелы, цилиндрические печати и геммы; камень использовался и в строительстве, но нечасто.

Дерево тоже было товаром дорогим и редким. В домах плотники делали из дерева лишь двери. Только в жилищах богатых горожан можно было встретить деревянные столы, стулья, сундуки и скамейки для ног. А легкую плетеную утварь – циновки, ковры, корзины, сумки, сосуды – мастерили из ивовых прутьев и тростника.

Весь металл ввозили в страну издалека: железо – из Ионии, Киликии и Ливана, медь и бронзу – из Малой Азии, Ионии и Кипра. Металл привозили либо в слитках, либо в виде готовых изделий как товар, – в основном военную добычу или дань.

Первым металлом, который научились обрабатывать в Земле Ашшур, была медь. Топили печи древесным углем или финиковыми косточками. С помощью мехов доводили температуру до нужной величины, а готовый металл обрабатывали ковкой, литьем, прокаткой и чеканкой.

Железо, прочный и твердый металл, вошло в употребление недавно. Первоначально готовые железные изделия ввозили из Малой Азии. Обладание железным оружием играло решающую роль на войне, и вскоре железо стало самым распространенным металлом. Тем не менее оно тоже не было дешевым.

Поэтому, несмотря на свои скромные размеры и немногочисленность населения, деревня горшечников Шаду процветала. Разнообразная глиняная посуда, густо выставленная для просушки перед обжигом на склонах холмов, издали напоминала коробочки щедрого макового поля в период созревания...

Эрибу, младший сын горшечника Манну, с интересом наблюдал за работой отца. Интерес этот не был праздным – отнюдь. Все мужчины деревни Шаду, от мала до велика, обязаны были в совершенстве владеть ремеслом горшечника. С виду простое, оно тем не менее хранило в себе много разных таинств. Да взять хотя бы тот же гончарный круг, который недавно придумал Манну для облегчения работы.

Обычно все круги были деревянными и легкими, а отец Эрибу сделал свой из плоского круглого камня массивным и тяжелым. Насадив его на прочную ось, Манну вставил в маленькое отверстие сбоку рукоятку, с помощью которой раскручивал диск. Он вращался очень долго сам по себе, не отвлекая мастера-уммеа от работы. На это рукотворное чудо приезжал посмотреть даже сам бел-пахати – начальник хальсума, провинции, к которой принадлежала деревенька горшечников.

К сожалению, дальше показа дело не пошло; найти камень для гончарного круга соответствующей формы было гораздо тяжелее, нежели отыскать несколько деревяшек. Поэтому Манну так и остался одиноким обладателем диковинки.

Хорошо хоть жрец-шаниу, первый заместитель бел-пахати, которому было поручено разобраться с изобретением мастера из деревни Шаду (не демонские ли это происки?), оказался человеком благожелательным и не заскорузлым почитателем жреческих традиций. Он лишь приказал своему писцу-секретарю сделать отчет о посещении деревни горшечников, в котором изобретение Манну было описано во всех подробностях, но без далеко идущих выводов. Что и было сделано на небольшой глиняной табличке, благополучно похороненной в архиве начальника хальсума.

Столь благоприятное отношение к творцу диковинного гончарного круга имело свою тайную подоплеку – отец Эрибу подарил шаниу великолепную глазурованную вазу. Она была расписной и красоты невероятной. Росписью занималась одна из дочерей Манну, шустрая чернавка, которую звали Джаф – Прекрасная. Эрибу, ничего прекрасного в сестре не замечал, хотя от женихов у нее отбоя не было.

Однако Джаф никого не привечала; главной ее страстью было искусство. Она трудилась в мастерской с раннего утра и до позднего вечера, расписывая вазы, горшки, блюда, глиняные лари, облицовочные плитки для дворцов, притом вкладывая в работу всю свою душу. Поэтому великолепная ваза, подаренная шаниу, ценителю прекрасного, произвела на жреца столь большое впечатление, что он не стал искать в изобретении Манну влияние потусторонних демонических сил...

Отец готовил глину для Хану, старшего сына. Эрибу уже знал, что она бывает разной – тощей и жирной. В тощей глине было много посторонних примесей, она была тяжелой в работе, поэтому гончары старались ее избегать.

Но и с жирной глиной приходилось повозиться. Она с трудом размягчалась в воде, медленно высыхала, липла к рукам и гончарному кругу, что затрудняло работу, а при обжиге давала большую усадку, из-за чего посуда покрывалась трещинами и меняла форму. Поэтому уммеа добавляли в жирную глину разные примеси – толченые черепки старых горшков, речной песок, кострику, рубленую солому и даже навозную жижу.

На этот раз Манну добавлял в хорошо очищенную жирную глину мел, пшеничный крахмал, лимонный сок, оливковое масло, рыбий клей и слюду. Из этого материала Хану лепил разные статуэтки и амулеты – как богов, так и демонов. Они обладали металлическим блеском и очень высоко ценились.

Амулеты охраняли ашшуров от дурного глаза и злых духов. Дабы избавиться от них, изображение демона в виде статуэтки помещали на видном месте. Чтобы отогнать самого страшного демона – хозяина юго-западного ветра, пламенное дыхание которого сушило посевы и сжигало лихорадкой людей и животных, над дверями и на террасах подвешивали фигурки с его изображением.

Другие статуэтки зарывались под порогом, чтобы преградить доступ в дом злым духам. Большинство из них были с головами различных животных, невиданных в подлунном мире. В их изображении Хану не имел равных. Страшные, диковинные звери, выходившие из его рук, вызывали ужас и омерзение.

Сначала отец высыпал крахмал в глубокую миску, затем влил туда оливковое масло и клей. Тщательно перемешав содержимое миски до образования однородной массы, Манну смочил ее лимонным соком и ненадолго поставил на огонь. Затем взял ком красноватой глины, подсыпал в нее слюды, хорошо вымешал и соединил ее с белой пастой, которая образовалась в миске.

Эрибу обладал хорошей памятью и в точности запомнил весь процесс подготовки материала для лепки. Длинные и гибкие пальцы Хану творили из глины чудеса. Его фигурки поку-

пали не только простолюдины, но и жрецы, поэтому семья Манну была зажиточной и ни в чем не нуждалась. А если учесть, что сам мастер делал большие сосуды, вода в которых всегда, в любое время года, была свежей и прохладной, то и вовсе не о чем было беспокоиться. Разве что о неизбежной армейской службе – Хану вскоре отправится исполнять свой воинский долг.

Каждый ашшур – от бедного до самого богатого, обязан был служить в армии. Военная служба считалась неременной для каждого мужчины, независимо от его статуса. Все военно-обязанные мужчины-ашшуры жили по принципу «трех лет». В первый год они строили дороги, мосты и здания, чтобы усилить мощь империи, а также учились воинскому искусству, на второй год их отправляли на войну, и только после этого им позволялось жить со своими семьями. В результате Земля Ашшур имела одну из самых сильных армий в мире, причем это были прекрасно обученные и закаленные в постоянных боях воины. И их было много...

Младший сын Манну, несмотря на хорошие физические задатки, мало интересовался гончарным делом. Эрибу рос мечтательным, каким-то возвышенным. Нельзя сказать, что его баловали, – в семье ремесленника царили строгие нравы – тем не менее Ина, мать Эрибу, все же относилась к младшему сыну гораздо нежнее и внимательней, нежели к другим детям (их было семеро; а еще двоих забрал в свои подземные чертоги Нергал, владыка преисподней). Наверное, по той причине, что Эрибу был как две капли воды похож на ее покойного отца.

На самом деле имя матери большого семейства звучало как Ина-Эсагили-рамаат (Любима в храме Эсагили), в юности она блистала красотой и происходила из семьи знаменитого вавилонского жреца. Как мог горшечник из Шаду заполучить иноземную красотку, история умалчивает. Конечно, сам Манну в молодости был мужчина видный, но годы, которые он провел за гончарным кругом, сделали его согбенным, ниже ростом, и изрядно состарили.

Свою Ину он привез из очередного воинского похода. То, что Манну был мужественным воином, определялось легко, стоило лишь посмотреть на его тело, покрытое шрамами. Но про свои армейские подвиги он никогда и никому не рассказывал. Может, потому, что солдаты Земли Ашшур нередко выступали в роли живодеров. Только убивали они с изощренной жестокостью не скот на бойне, а своих врагов. Точнее, тех глупцов, которые не хотели сдаваться на милость ашшуров-победителей.

Придворные писцы царя даже создавали таблички, на которых рисовали и описывали процесс пыток своих врагов, чтобы следующий город знал, что случится с его защитниками, которые не подчинятся воле завоевателей. На рисунках был весьма доходчиво показан процесс снятия кожи с живых людей, выкалывание им глаз и усаживание на колья. К тому времени как армия Земли Ашшур подходила к стенам очередного города, его жители уже знали, что их ждет.

Правда, перед началом битвы осажденным врагам ашшуры часто давали шанс выжить. К городским воротам отправлялся парламентар, который обещал защитникам города (которые уже тряслись в страхе, поскольку знали, чем закончится осада), что если они сдадутся и будут платить дань Земле Ашшур, им будет позволено жить.

«Смиритесь и выйдите ко мне! – зычно кричал парламентар; обычно он был гигантского роста и в сверкающей под солнцем чешуйчатой броне. – Тогда каждый из вас будет лакомиться собственным виноградом и плодами смоковницы, и пить воду из своего водоема! А тем, кто не выйдет, придется есть собственное дерьмо и пить свою мочу!»

Обычно редко какой город отваживался на сопротивление. Мощь армии Земли Ашшур не подвергалась сомнению. Так же, как и дикая жестокость ее солдат. Многие страны сдавались сразу, смиренно выплачивали царю дань, а войска, насытившись грабежами и насилием, шли дальше.

Регулярная выплата дани всегда была затруднительной и вызывала возмущение в покоренной стране. В непродолжительном времени дело доходило до восстания, до попыток отложиться от Земли Ашшур. Изредка восстание удавалось, но гораздо чаще дело кончалось

разорением страны и уводом части населения в плен, после чего покоренная территория превращалась в наместничество. Организованное переселение восставших производилось редко; гораздо чаще людей просто вырезали.

К тому времени, когда покоренный народ причислялся «к людям Земли Ашшур», страна эта представляла собой картину полнейшего запустения. Только редкое население ютилось среди развалин деревень и городов, вытоптанных полей, сожженных виноградников и вырубленных садов. Ввиду полного разорения хозяйства и непомерных поборов в пользу государства ашшуров оно было обречено на голод и вымирание.

Главным мотивом военных действий, которые вели солдаты Земли Ашшур, не было присоединение территории и подчинение населения. Целью захватнических войн ашшуров был главным образом грабеж, а также захват важнейших мест добычания железа и серебра и освоение новых караванных путей.

Тем не менее и кровопролитные битвы не были редкостью. После чего наступала жестокая расправа с дерзнувшими противостоять армии ашшуров. Целые города стирались с лица земли, а их защитники претерпевали страшные муки.

Но самым мучительным для воинов-ашшуров были даже не раны и увечья, а то, что после таких походов многие из них слышали и видели призраки людей, которые были подвергнуты истязаниям и пыткам. Нередко несчастные приходили к бывшим солдатам во сне, притом в истерзанном виде, и вели с ними долгие разговоры.

Манну после армейской службы несколько лет не мог спать спокойно, несмотря на большую усталость после своих каждодневных трудов. Несколько позже он признался жене, что испытывал ужас и чувство большой вины за убийства людей. От этого наваждения долго не помогали ни молитвы, ни щедрые жертвы богам...

Проследив за тем, как предназначенная Хану паста для изготовления амулетов попала брату в руки, и получив от него легкий подзатыльник, Эрибу обиженно шмыгнул носом, покинул мастерскую отца, по пути беззлобно пнул босой ногой чужого кота, который прятался в тени под каморкой, где хранилась подготовленная к работе глина, и направился через обширный двор на поварню, которая служила столовой для семьи и представляла собой открытое помещение с крышей из тростника. Обеденное время еще не наступило, но очень хотелось есть, и мальчик здраво рассудил, что мать обязательно найдет для него что-нибудь вкусненькое.

В «столовой» хранилась посуда, и стоял длинный стол, за которым помещалось все семейство Манну. Когда начинал дуть юго-западный ветер, который приносил с собой песок из пустыни, помещение закрывалось занавесями – изрядно выцветшими от времени тяжелыми тканями. Это была воинская добыча горшечника. Когда-то ткани стоили очень дорого, они были расшиты фигурками людей и диковинных зверей, но теперь представляли собой потертые тряпки, испещренные пятнами шитья. Даже чрезмерно развитой фантазии Эрибу не хватало, дабы понять, что на них изображено.

Деревня Шаду была зажиточной, несмотря на свои скромные размеры. Искусство гончаров всегда было в цене, поэтому деревенские умельцы большей частью сооружали дома по городскому образцу. Конечно, по окраинам располагались и бедные хижинки из тростника, обмазанные глиной, в которых жили горшечники, только начинавшие свой путь в гончарном искусстве, а также немногочисленные рабы. Их использовали для тяжелых работ, к которым относились заготовка глины и обработка земли под огороды.

Почти все дома в деревне были одноэтажными с одной дверью и узкими бойницами вместо окон, расположенными выше человеческого роста. Над жилыми помещениями находилась открытая галерея с террасами – нижней и верхней. Нижняя терраса защищала крышу от прямых солнечных лучей, благодаря чему в доме всегда было прохладно, а на верхней пол покрывал слой земли. Она была настоящим садом, который постоянно поливали.

Эрибу очень любил уединяться на верхней террасе. В окружении цветов и зелени его мысли улетали в такие дали, что дух захватывало. Он любил мечтать, и временами его мечты были странными, совсем недетскими. Но об этом он никому не говорил. Возможно, потому, что его рождение (об этом он узнал от матери) сопровождалось удивительным небесным явлением – над деревней Шаду вдруг засияли четыре солнца!

Конечно же, никто не связывал это явно пророческое видение с первым криком новорожденного младенца. Никто, кроме Ины. Удивительное внешнее сходство сына с ее отцом – жрецом высшего посвящения, который считался в Вавилоне очень сильным колдуном, навело определенные соображения, которые мать держала при себе. (Что, впрочем, не спасло высокородного жреца от жестокой казни, когда ашшурцы в очередной раз подавили восстание вавилонян.)

Поэтому Ина строго-настрого приказала Эрибу ни в коем случае не пользоваться даром богов, который прорезался в нем совершенно внезапно, когда ему исполнилось пять лет. В тот несчастливый день Манну сильно поранил руку, кровь хлестала из глубокого пореза ручьем, ее никак не могли остановить, и тут маленький Эрибу, совсем кроха, неожиданно бросился к отцу и положил свою ладошку на рану.

И случилось чудо! Кровавый ручей мгновенно иссяк, мать наложила повязку с целебной мазью, рецепт которой дал ей отец-жрец, а спустя два дня, когда пришла пора ее сменить, взору изумленной семейной четы предстала не развороченная кривым гончарным ножом плоть, а узкий розовый шрам.

С той поры Эрибу втихомолку лечил всех своих домашних. Не всегда у него это получалось – только в моменты высшего душевного подъема и напряжения, на что настроиться было непросто. В основном тогда, когда он видел рану и кровь или когда кому-то из семьи становилось совсем худо. В такие моменты в нем пробуждалось странное чувство. Он вдруг начинал дрожать, как в лихорадке, смуглое лицо подростка бледнело, большие глаза становились огромными, и в них загорался какой-то демонический огонь. На него страшно было смотреть.

Но его помощь, оказанная пострадавшему, была бесценна. Лишь благодаря Эрибу брат Хану остался в живых. Когда тот искал в холмах подходящую глину для своих поделок, на него напал леопард. От зверя удалось отбиться, но на юноше не осталось живого места, которое не кровоточило бы. Леопард не столько покусал Хану, сколько порвал его своими острыми когтями. Местный лекарь, малообразованный знахарь, хоть и жрец, вынес вердикт – парень не выживет, готовьтесь к похоронам.

Семья принялась оплакивать Хану, и только Эрибу думал иначе. Он любил старшего брата больше всех. Хану, хоть и был строг к Эрибу, всегда его защищал. Младшенький не отличался дерзким нравом, который нередко заменяет физическую силу, и частенько получал тумаки и затрещины от сверстников и парней постарше. И тогда Хану заступался за брата.

Несмотря на свою художественную натуру, старший брат обладал недюжинной силой, которую никак нельзя было распознать в его худощавой длиннорукой фигуре. Он легко справлялся не только с обидчиками Эрибу, но и с их братьями, которых было много и которые, конечно же, заступались за младших. После нескольких серьезных стычек Хану с великовозрастными забияками Эрибу оставили в покое; кому хочется быть постоянно битым и ходить с синяками?

Поэтому, когда охотники, которые наткнулись на израненного Хану, доставили его в деревню, занесли его в дом и уложили на тростниковую циновку под вылепленным им собственноручно изображением крылатой богини Иштар¹⁶, которая поставила ногу на укрощенного льва, с Эрибу случился приступ. Он словно обезумел от горя – ничего не слышал и не

---

¹⁶ Иштар (Эштар, Аштар), Инанна – главное женское божество аккадской мифологии. Богиня плодородия и плотской любви, войны и распри, астральное божество (олицетворение планеты Венера).

понимал слов, обращенных к нему. Мальчик бросился к брату, наложил одну руку ему на грудь, а второй схватился за богиню и начал что-то шептать.

Статуэтка Иштар была размером в половину человеческого роста, покоилась на хорошо обработанной каменной подставке, и казалось, была живой, настолько искусно ее расписала Джеф. Глаза богини следили за всеми, кто входил в дом Манну, и тем, кто впервые в него попадал, становилось жутковато от этого пристального взгляда. Она появилась в доме Манну благодаря матери. Ину из каких-то своих соображений решила сделать Иштар главной защитницей семьи.

Манну перечить не стал (хотя Иштар считалась богиней плодородия и любви и никак не могла сравниться с Ашшуром, главным богом), а Хану только дай поупражняться, тем более исполнить желание обожаемой матери. Он вложил в статуэтку весь свой талант, и богиня с некоторого расстояния казалась просто прекрасной благодаря совершенным формам. А уж Джаф и вовсе «оживила» мертвую глину.

Нашептывание Эрибу над израненным братом продолжались долго. Когда он наконец умолк, на нем не было лица. Бледный, как полотно, мальчик поднялся, сделал несколько шагов, и упал без сознания. Хану перестал стонать и уснул, а его «врачеватель» провалялся в беспмятстве почти сутки. Зато когда Эрибу пришел в себя, то увидел забинтованного с головы до ног брата, который уже лепил какую-то статуэтку.

Благодаря странным способностям Эрибу семья относилась к нему с пиететом и опаской – как к куску металла, разогретому в горне докрасна. Его явное нежелание продолжать семейную традицию в качестве мастера-гончара было воспринято с неодобрением, но благодаря защите матери мальчика не наказывали и не принуждали заниматься нелюбимым делом силой. Тем не менее основы гончарного искусства он все же освоил, хотя и не горел желанием сидеть за гончарным кругом дни напролет – как отец.

Дом Манну считался одним из лучших в деревне. Но обстановка в нем была простой: несколько стульев и табуретов разнообразной формы, пол устилали циновки, на которых спали дети, а за хлипкой перегородкой находилась деревянная кровать с матрасом и двумя одеялами – семейное ложе отца и матери.

В одном из углов просторного двора помещалась печь для хлеба, там же, на столбах портика, были развешаны бурдюки с вином и кувшинами с водой для питья и умывания. Посреди двора, на очаге, сложенном из дикого камня, стоял большой котел, в котором готовили похлебку для всей семьи, и тинуру¹⁷ – печь, похожая на огромный кувшин. Гончарная мастерская замыкала двор и представляла собой как бы продолжение высокой глинобитной стены, огораживающей все помещения.

В доме находилось много разных амулетов, призванные охранять домашних от дурного глаза и злых духов. Чтобы избавить членов семьи от разной нечисти, статуэтки демонов устрашающего вида, творения талантливой Хану, были выставлены на самом видном месте. На них он искусно вырезал тексты заговоров, подсказанные местным жрецом. Другие статуэтки Манну зарыл под порогом, чтобы преградить демонам доступ в дом. Притом сделано это было темной ночью – чтобы пробудившиеся от дневного сна злые духи могли видеть препятствие на их пути.

Эрибу повезло. Когда он появился, мать как раз достала из тинуру пресные ячменные лепешки, раскатанные в тонкий лист. Они пахли так восхитительно, что у мальчика слюнки потекли.

– Проголодался? – спросила Ину и ласково взъерошила длинные густые волосы сына.

– Угу...

---

¹⁷ Тинуру (*аккад.*) – печь-жаровня, мангал особого шарообразного или кувшинообразного вида для приготовления разнообразной пищи у народов Азии. Использовалась также для обогрева помещений, в культовых и лечебных целях. Происходит из Месопотамии. В разных вариантах написания это слово встречается и в других языках: в Азербайджане и Узбекистане – «тандир», в Армении – «тонир», в Грузии – «тонэ», в Индии – «тандур», в Таджикистане – «танур».

– Держи... – Мать дала Эрибу несколько лепешек и две горсти вяленых фиников.

Мальчик немного поколебался – ему очень хотелось съесть все немедленно – но мужественно выдержал искуc. Выйдя из дома, он завернул лепешки и финики в кусок чистой холстины и положил сверток в свою сумку. Правда, при этом он все же отправил два финика в рот и долго наслаждался их сладостью и ароматом.

Эрибу постарался как можно незаметней покинуть деревню; он направлялся в холмы. Мальчик берегся глазастого Хану, который имел одну неприятную особенность – находиться там, где ему не следовало быть.

А Эрибу вовсе не хотелось, чтобы кто-нибудь помешал его замыслам. Иначе Хану, пользуясь привилегиями своего старшинства, бесцеремонно схватит его за шиворот и потащит в мастерскую.

В отличие от матери и отца, которые души не чаяли в младшеньком, он считал Эрибу плутом и хитрецом, уваливающим от работы, и строго следил за его успехами в семейном промысле. Только благодаря настойчивости старшего брата Эрибу с грехом пополам освоил азы гончарного искусства.

Холмы притягивали мальчика с неодолимой силой. Там его ждала дикая природа и много интересных охотничьих приключений. Он уже стал достаточно взрослым, чтобы не бояться опасностей и проявлять самостоятельность.

В холмах густо рос кустарник. Здесь водились дикие кабаны, олени, а также леопарды и львы, нападающие на стада и наносящие им большой урон. Суровые условия жизни вынуждали ашшуров заниматься охотой. В борьбе с дикими зверями они закалялись, становились бесстрашными, ловкими, презирали опасность.

Все эти качества передавались из поколения в поколение. Охотники страны Ашшур с юных лет без устали рыскали по горам в поисках дичи. Благодаря этому они становились лихими стрелками, неутомимыми ходоками, ловкими и находчивыми в опасные минуты, дисциплинированными и воинственными солдатами.

Эрибу, несмотря на свои странности, был отменным стрелком. Отец подарил ему небольшой округлый лук. Он достался Манну в качестве воинского трофея. Лук был склеен из очень прочного дерева, рога и жил и украшен бронзовыми колечками. Стрела, выпущенная из этого лука, летела очень далеко, и с расстояния в сто шагов свободно пробивала любые доспехи.

Было лишь одно неудобство, с которым мальчик никак не мог совладать. Лук был очень тугим, тетиву, чтобы она не утратила упругость, приходилось снимать, пока оружие не использовалось, а натянуть ее у Эрибу просто не хватало силенок. Поэтому он забежал к соседу, старому мастеру-горшечнику Ияри, который уже не работал, так как был подслеповат, и тот с удовольствием исполнил просьбу мальчика; для того чтобы натянуть тетиву, сил у него оказалось вполне достаточно.

История горшечника Ияри была поистине легендарной. В юности он получил превосходное образование и стал писцом. Ияри знал вавилонский, шумерский и арамейский языки и мог писать не только на глиняных табличках, но также на папирусе и хорошо вычищенной коже. Это было непросто хотя бы по той причине, что у каждого писца был свой секрет приготовления чернил. И делиться им с собратьями по ремеслу никто не спешил.

Но Ияри это не волновало. Он изобрел состав очень стойких золотых чернил, которыми писались указы правителя Земли Ашшур, и его сразу же возвысили до ранга помощника главного писца канцелярии царя, несмотря на молодость. Естественно, такая прыть юного выскочки старшим по возрасту и положению писцам не понравилась. Тем более что Ияри был не шибко знатного рода и пробился наверх лишь благодаря своему незаурядному уму и смекалке.

Интрига, которую затеяли недоброжелатели молодого писца, была проста, как выеденное яйцо. В молодости Ияри был красив и статен. На него засматривались многие девушки

из богатых семейств. Породниться с имперским писцом, немалый доход которого всегда был стабилен, считалось честью для жречества и привилегированной торговой и служилой знати. Но только не для невест из царской династии, которые искали себе женихов в своем кругу. На этом и погорел неопытный юнец.

Уж неизвестно, что посулили интриганы девушке из высокорожденных, но только как-то так получилось, что она оказалась в постели помощника главного писца до помолвки с ним (которая даже не намечалась). И все бы ничего, да только ветреная девица уже была помолвлена с другим знатным мужчиной, который имел на нее определенные права. А закон на этот счет был строг. Он гласил: «Если жену или невесту знатного господина застали лежащей с другим мужчиной, то их обоих следует связать и бросить в воду».

В общем, Ияри грозила смертная казнь через утопление. Но в одном из параграфов свода законов великого вавилонского царя Хаммурапи¹⁸, по которому его судили, была спасительная приписка: «Если господин оставляет жизнь своей жене или невесте, то тогда и царь должен оставить жизнь своему слуге». Жених блудливой девицы, которому тоже заплатили изрядно, естественно, не стал свирепствовать. Девушка вернулась к родителям с мешком серебра, а наивного Ияри, от которого из-за позора отказалась даже семья, отправили в армию – исполнять долг перед родиной.

На войне ему здорово повезло. Во-первых, он остался в живых, и даже его ранение оказалось не тяжелым, а во-вторых, он познакомился и сдружился с отцом Манну. Узнав, что после службы Ияри некуда деться, – у него не было ни кола ни двора – тот предложил ему поселиться в деревне Шаду и освоить с его помощью почетную профессию гончара. Ияри согласился и спустя несколько лет стал одним из лучших горшечников хальсума.

Прошли годы, Ияри состарился, но благодарность к семейству Манну по-прежнему оставалась в его душе. И когда маленький Эрибу стал проявлять несвойственную детям деревни любознательность, бывший писец начал обучать его грамоте.

Мальчик обладал незаурядным умом, это Ияри понял сразу, но его успехи в овладении искусством клинописи поражали старика. Эрибу все схватывал буквально на лету. По истечении трех лет после начала обучения он умел не только писать, но и разговаривал на всех языках, которые знал опальный писец.

Ни Ияри, ни Эрибу понятия не имели, зачем они тратят столько времени на совершенно ненужное для горшечника искусство писца. Просто старику было приятно вспоминать былое и чувствовать себя учителем, а для мальчика постижение грамоты казалось интересной игрой.

Когда Эрибу изрядно поднаторел в письме, он начал учиться писать не тонкой деревяшкой с тупым концом в виде треугольника по глине, а палочками из очищенного камыша на выделанной коже, деревянных дощечках и на папирусе, который привозили из страны Муцур¹⁹. Конечно же, папирус был слишком дорогим удовольствием для учебных занятий, но у запасливого Ияри нашлось несколько старых писем с текстом. Текст соскребли, и Эрибу стал осваивать чистописание на папирусе. Оно было гораздо приятней работы с глиной.

Глину брали сырой и изготавливали из нее плитки, похожие на подушечки. После того как вся поверхность плитки была исписана, ее сушили на солнце, а для большей прочности и долговечности – обжигали. Конечно, в случае с Эрибу этот процесс не был нужен. Его учебные упражнения просто уничтожались, благо материала для письма хватало. Но как сохранять глиняные плитки, он знал...

---

¹⁸ Законы Хаммурапи, Кодекс Хаммурапи – законодательный свод старовавилонского периода, созданный при царе Хаммурапи в 1750-х гг. до н. э. Один из древнейших правовых памятников в мире. Законы Хаммурапи оказывали влияние на правовую культуру Древнего Востока на протяжении многих столетий.

¹⁹ Муцур (*аккад.*) – так ассирийцы называли Нижний Египет; Верхний Египет назывался Урису.

Холмы ласково приняли Эрибу в свои зеленые объятия и укрыли прохладной тенью. День стоял жаркий, поэтому охотиться в зарослях было приятно. Эрибу преобразился; он пробирался через густые кущи так тихо, что со стороны мог показаться бесплотным существом.

Охотничьим премудростям Эрибу учил отец. Манну был знатным добытчиком, да вот беда – работа за гончарным кругом отнимала у него слишком много времени и сил. Что касается Хану и других братьев, то они большей частью были безразличны к охоте. Братья выходили в холмы только ради развлечения и чтобы потренироваться в стрельбе. Не более того. Чего нельзя было сказать про Эрибу.

Он обладал уникальным чутьем на дичь – будто хороший охотничий пес. И никогда не возвращался домой без добычи.

С мясом в семье всегда было туго, несмотря на то что Манну зарабатывал довольно много (конечно, по деревенским меркам). Баранину, козлятину и говядину в семье ели только по праздникам; мясо было дорогим. А свинина стоила еще дороже. Свиней держали крестьяне окрестных деревень, в больших стадах. Пищу животные добывали сами себе, на свободном выпасе, а если ее не хватало, то они получали добавку из ячменя. Жирная свинина была в особом почете и ценилась очень высоко.

Крупного рогатого скота из-за недостатка удобных пастбищ было немного. Обилие хищников в холмах не позволяло оставлять скот без присмотра. А чтобы отбиться от львов и леопардов требовалось много пастухов, чего деревня горшечников позволить себе не могла. Поэтому нередко приходилось есть конину – мясо старых, выбракованных одров. Оно было жестким, долго варилось и обладало скверным вкусом. Что касается домашней птицы, – гусей, уток и кур – то она шла в ход в зимнее время.

Охотничьи удачи младшенького вызывали два чувства: благодарности и раздражения. Мать, конечно, боялась, что Эрибу бродит по холмам в одиночестве (мало ли что может случиться на охоте), но с другой стороны радовалась – теперь будет чем сытно накормить своих мужчин, которые не страдали отсутствием аппетита. А братья недовольно ворчали, усматривая в действиях Эрибу своеволие и отлынивание от работы.

Младший, когда подрос, стал готовить глину на всех. А это был длительный и трудоемкий процесс. Сначала нужно накопать нужное количество глины. Здесь обычно помогали старшие братья. Но затем начинались «танцы» – требовалось босыми ногами тщательно размять глину и выбрать из нее мелкие камешки. Топтание на одном месте могло длиться не один день (ведь глины для гончарных изделий требовалось много), что для непоседливого Эрибу было горше любого наказания.

Был у Манну один секрет. Каким-то образом он выяснил, что чем дольше глина будет находиться во влажном состоянии, тем лучше. Поэтому он выдерживал глину на открытом воздухе в специальной яме, стены которой были сделаны из толстых досок. Весной и летом ее обжигали солнечные лучи, осенью обдували ветры и поливали дожди, зимой она замерзала и оттаивала при оттепели, и тогда в нее проникала талая вода. Но все это шло глине только на пользу.

Отец брал глину из этой ямы лишь тогда, когда ему приходили заказы от самого управляющего хальсумом – заместника Набу-шум-иш-куна. В таком случае он точно знал, что все будет исполнено в срок и с высоким качеством.

У каждого уважающего себя деревенского гончара были небольшие, личные ямы-копанцы (чаще всего потаенные), где добывали глину, пригодную для изготовления горшков. Манну не являлся исключением из общего правила. Ко всему прочему у отца Эрибу имелась одна заветная яма, очень глубокая и опасная для работы в ней, где находился пласт совершенно чудесной глины, из которой Манну валял большие, причудливой формы горшки и вазы. Но добывать ее он не разрешал никому, сам все делал.

Высохшая глина отличалась от сырой более светлым тоном. Но при обжиге нередко еще и меняла свою окраску. Только белая глина оставалась такого же цвета. После обжига зеленая глина могла стать розовой, бурая – красной, а синяя и черная – белой. Это чудесное превращение, которое происходило с глиной и которое трудно было осмыслить, горшечники объясняли божьим промыслом...

Эрибу вдруг остановился, как вкопанный. Его ноздри раздулись, а черные глаза засверкали; юный охотник почуял близость желанной добычи. Впереди находилась небольшая полянка, покрытая густой зеленой травой, и оттуда явственно доносился запах свежего оленьего помета. Мальчик осторожно вышел на поляну и увидел, что она истоптана оленьими копытами. Судя по тому, что траву на полянке будто выкосили, там совсем недавно паслось небольшое оленьё стадо.

Теперь дело оставалось за малым – пойти по его следам, да так, чтобы чуткий вожак стада не успел предупредить самок об опасности до первого выстрела.

Глава 2

Отшельник

Эрибу немного ошибался – оленье стадо было отнюдь не маленьким. Юный следопыт насчитал семь самок, трех детенышей и двух самцов – старого вожака с великолепной короной из рогов на голове и молодого, но уже вошедшего в силу оленя, который явно готовился занять его место. Он постоянно вставал на пути старика, однако тот с поистине царским величием делал вид, что не замечает нахального соперника, и ловко уклонялся от стычки.

Нет, он не боялся молодого оленя; старый вожак знал, что между ними обязательно произойдет последний, решительный бой за главенство в стаде, когда придется сражаться за самок до последнего. Но время этой схватки еще не пришло. Вожак был уверен, что он еще достаточно силен, чтобы пресечь притязания молодого оленя на главенствующую роль в стаде.

Юный охотник на глаз прикинул расстояние до оленей и огорченно pokrивился – далеко-вато. Конечно, стрела из его мощного лука может лететь и дальше, но ее убойной силы может не хватить, чтобы свалить крупное животное. А гоняться по холмам за подранком – себе дороже.

Придется подобраться поближе...

Он лег на землю и начал ползти к скальному обрыву, под которым паслось стадо. Обрыв давал тень в самый жаркий период дня, поэтому обширный травяной лоскут у его подножья радовал взор изумрудной зеленью, тогда как несколько дальше трава уже пожелтела, пожухла, прилегла к земле, выставив к небу кустики сухостоя.

Увы, Эрибу был не единственным охотником, который нацелился на оленье стадо. Над самым обрывом в чахлам кустарнике притаился леопард. Его светло-рыжий мех с небольшими черными пятнами был превосходным маскировочным одеянием. Даже острый глаз юного охотника, который, конечно же, не преминул внимательно осмотреть окрестности (он опасался львов; царственных хищников в последние годы расплодилось слишком много, и они частенько уходили за добычей из речных камышовых зарослей в холмы), не смог заметить грозного зверя.

Леопард обрушился на стадо, когда Эрибу уже выбрал цель. Это было так неожиданно, что мальчик на какое-то время оцепенел. Мощным, длинным прыжком зверь настиг молодого оленя, сбил его с ног и вцепился в горло. Олени брызнули в разные стороны, словно капли от брошенного в воду камня. Несколько мгновений – и у подножья остались только леопард и его жертва.

Олень был сильным, он пытался сопротивляться, даже встал на ноги, но леопард извернулся, вогнал свои клыки в его горло поглубже, и животное начало задыхаться, конвульсивно взбрыкивая ногами. И в этот момент Эрибу словно проснулся. Его охватила злость. Леопард отнял у него добычу перед самым носом!

Плохо соображая, что он делает, Эрибу натянул лук и с потрясающим бесстрашием и хладнокровием пустил первую стрелу в леопарда, благо зверь подставил ему свою левую сторону. Не зная, куда она попала, мальчик выстрелил еще два раза – и услышал рев зверя, который оставил оленя и начал кататься по земле, пытаясь выдернуть зубами острый шип, воткнувшийся прямо в сердце. Это была первая стрела, очень удачное попадание под левую лопатку.

Леопард ворочался недолго. Он затих рядом с оленем, который начал приходить в себя и даже сделал попытку подняться. Но тут к нему подбежал Эрибу и своим острым ножом полоснул животное по горлу. Из раны хлынула густая кровь, и мальчик быстро подставил под красную струю керамическую фляжку.

Сосуд наполнился быстро, и Эрибу с большим удовольствием сделал из него несколько глотков. А затем совершил жертвоприношение Ашшуру, богу войны и охоты, – зажег костерок,

бросил в огонь кусочек лепешки и три финика, вылил туда немного крови и прочитал короткую молитву охотников. При этом он не сводил глаз с леопарда.

Какая знатная добыча! На оленей он уже охотился несколько раз (правда, добыл лишь старую хромую самку, которая не смогла убежать), а вот с леопардом встречаться ему не доводилось. Это был очень хитрый и коварный зверь. Опытные охотники опасались его больше, чем льва. Царь животных редко нападал на человека; обычно зверь милостиво позволял охотникам потихоньку уйти с его дороги при случайной встрече. Но леопард был непредсказуем. Все зависело от его настроения.

Зверь мог убежать, едва почуяв запах человека, а мог и устроить на него охоту. При этом разгадать замыслы большой кошки было невозможно, так же, как и уберечься от внезапного нападения. Из-за превосходной маскировки леопарда нельзя было заметить даже с расстояния в несколько шагов. Именно в такой переплет попал Хану, когда искал подходящую для своих поделок глину. Хорошо, что зверя вспугнул другой брат. Они вышли на поиски вместе. Иначе леопард загрыз бы Хану, хотя тот и отчаянно сопротивлялся. Хану был храбр.

Все дальнейшее было привычным и весьма приятным делом. Эрибу освежевал оленя, срезал с костей мясо, сложил его в шкуру и завязал узел. Олень был довольно крупным, тем не менее мяса в нем оказалось немного. Тащить же домой кости, чтобы мать могла сварить из них похлебку, юный охотник не пожелал. У него просто не хватило бы для этого сил. Ведь ему предстояло еще снять шкуру с леопарда. А она в сыром виде была очень тяжелой.

Когда Эрибу закончил свою работу, солнце уже начало скатываться к горизонту. Юный охотник осмотрелся и не без удивления отметил, что в погоне за оленьим стадом он чересчур далеко углубился в холмы. Местность была совершенно незнакомой. Конечно, направление, где находилась деревня Шаду, он мог найти с закрытыми глазами. Ориентироваться в холмах его научил отец; это был первый и главный урок для юного охотника. Но, судя по всему, добраться домой до темноты он не сможет. А это уже было очень опасно. Ночью многие хищники выходили на охоту, и оказаться в роли дичи Эрибу совсем не хотелось.

Нужно было искать удобное место для ночлега. Первым делом Эрибу осмотрел скальный выступ – место, где тайлся в засаде леопард. Осмотрел – и остался довольным. Забраться наверх могли только большая кошка и человек. А если учесть, что он разожжет там костер, то и вовсе нечего было опасаться.

Эрибу снедала лишь одна неприятная, как заноза в пятке, мысль – он не сообщил родителям, что идет на охоту. Отец догадается, куда делся его своенравный сын, и конечно же, будет волноваться, но виду не подаст (Эрибу уже приходилось ночевать в ночном лесу), а вот мать... Она может молиться всю ночь перед изображением Иштар, хранительницы домашнего очага, чтобы богиня спасла ее сына от несчастья.

Мальчик думал о матери все время, пока таскал на вершину скального выступа сухой хворост. Эрибу был бессилен что-либо изменить, лишь мысленно посылал ей свои извинения и просьбы, чтобы она сильно не волновалась.

Он уже приготовился зажечь костер с помощью «огненного камня» и кресала (для этого мальчик собрал немного сухого мха и тонких веточек), как неожиданно увидел со своей возвышенности дымок, который поднимался из соседней рощицы. «Охотники!» – первым делом подумал обрадованный Эрибу. А поскольку ближайшим населенным пунктом была деревня Шаду, то это могли быть только свои.

Юный охотник спустился к подножью возвышенности и направился к чужому костру. Но он не стал ломиться через заросли, а начал пробираться через высокий кустарник так, словно подкрадывался к дичи – чтобы не шелестели ветки и не хрустел под ногами сухостой. Мало того, Эрибу даже приготовил лук к стрельбе. В холмах иногда скрывались лихие людишки – в основном беглые рабы и те ашшуры, которым грозила смертная казнь за их злокозненные деяния, – поэтому такая предосторожность не была излишней.

Наконец он добрался до источника дыма. Поляна, на которой горел костер, была небольшой. Очаг располагался напротив шалаша, сплетенного из веток и укрытого крышей из травы. Несколько поодаль острый взор юного охотника заметил вход в пещеру, который хорошо маскировали плети дикорастущего винограда. А еще дальше из-под скалы пробивался ключ, и вода неспешными струйками вливалась в рукотворный водоем, обложенный диким камнем. Ее излишки перехлестывали через ограждение и тонкой серебристой змейкой исчезали в высокой траве.

У очага сидел старик, явно отшельник, закутанный в звериные шкуры. Над костром висел котелок, в котором что-то варилось, – видимо, похлебка, но, судя по запаху, совсем без мяса. Похоже, отшельник положил в кипяток разные корни, грибы и травы.

Эрибу некоторое время наблюдал за стариком, не отваживаясь выйти из зарослей на поляну, как неожиданно тот громко сказал, не оборачиваясь:

– Подходи к костру, добрый человек. Я не сделаю тебе зла, клянусь могуществом Хены.

Мальчик немного поколебался, но все же принял приглашение. Старик был темнолиц, весь иссушенный, словно вяленый финик, тем не менее его глаза блестели молодо, и смотрел он на юного охотника пылливо, с интересом. И совсем без боязни. Впрочем, его храбрости нашлось объяснение. Рядом с ним лежал бронзовый топор, а к стенке шалаша был прислонен лук и колчан со стрелами.

– Мальчик... – не без удивления сказал старик, осмотрев Эрибу с головы до ног, и приятно улыбнулся. – Никак заблудился в холмах?

– Нет. Я охотился... А домой по светлomu вернуться не успеваю.

– Вон оно как... Что ж, тогда присаживайся к моему очагу. Скоро похлебка будет готова, приглашаю откусать, что нам послали боги.

– Благодарю за приглашение, – вежливо ответил Эрибу, но усестся не спешил. – С вашего позволения, я отлучусь ненадолго...

– Зачем?

– Забрать свою охотничью добычу. Чтобы ее звери не растащили. Здесь недалеко...

– И то верно. Но возвращайся, я жду.

– Обязательно, – с легким сердцем ответил Эрибу и быстрым шагом направился обратно, к возвышенности, где он намеревался провести ночь...

Спустя немного времени старик и мальчик с удовольствием хлебали вкусное варево, куда были добавлены и кусочки оленины, а над костром запекался добрый шмат мяса, источая аппетитные запахи. По крайней мере, для изрядно проголодавшегося Эрибу. Отшельник был гораздо умеренней в еде.

Старика звали Ушпия. Он оказался субарейцем²⁰. Это были загадочные люди. Они считались вечными скитальцами без роду-племени (хотя, конечно, это было не так) – бродили по Земле Ашшур, надолго не задерживаясь на одном месте. Богами субарейцев были природные явления – гроза, дождь, ураганы, суховеи, землетрясения, и ашшурцы верили, что они имеют на них влияние.

Появление в деревне горшечников бродячего субарейца всегда было большим событием. Странники-субарейцы успешно лечили разные болезни (чем вызывали недовольство деревенских жрецов-врачевателей), предсказывали судьбу гаданием, используя при этом кости животных, ветки деревьев и камыш. А два года назад один из них вызвал проливные дожди и тем самым спас поля и огороды местных крестьян от засухи, которая длилась больше двух месяцев.

---

²⁰ Субарейцы – население Субарту, исторической области в III–I тыс. до н. э., соответствовавшей Северной Месопотамии и районам в среднем течении Тигра, а также отчасти в верховьях Тигра и Евфрата. Во II тыс. до н. э. – синоним хурритов, в III тыс. до н. э. – особый народ.

Это было тем более удивительно, что самые сильные заклинания местных жрецов, которые просили милости у богов ашшуров, не принесли желанного результата. А странник, забравшись на холм, – все ту же самую высокую гору близ деревни горшечников, от которой она и получила свое название, – обратился к своему богу грома Тешшубу, и тот не замедлил откликнуться после долгого моления субарейца.

Правда, при этом молнии убили несколько ослов и овец, но этот убыток полностью покрывался щедрым урожаем зерновых и пышной зеленью грядок с овощами.

Тем не менее Эрибу был удивлен. Как мог странник-субареец стать оседлым? Он не выглядел ни больным, ни слишком старым, не способным к длительным переходам. Скорее, наоборот – все его движения были не замедленными, как у стариков из деревни Шаду, а достаточно быстрыми, уверенными и плавными. Он даже не кряхтел, когда приходилось прилагать большое усилие.

Насытившись, старик наконец обратил свой взор на отливающую в свете костра чистым золотом шкуру леопарда, связанную в узел. Эрибу положил ее чуток поодаль. Когда сняли с вертела запеченный кусок оленины, в костер подбросили дров, и высоко взметнувшееся пламя осветило гораздо большее пространство, тут-то отшельник и увидел, что принес мальчик. При этом он не только сильно удивился, но и озаботился. Это было видно по тому, как субареец сдвинул густые косматые брови и остро взглянул на юного охотника.

– Тебя любят боги, – сказал он очень серьезно. – Это неспроста. Дай-ка мне свою руку.

Просьба была похожа на приказание, но Эрибу не стал противиться. Однако едва старик прикоснулся к мальчику, как раздался треск, и между руками отшельника и юного охотника проскочила искра.

– Уф-ф! – воскликнул ошарашенный старик и подул на обожженные кончики пальцев. – Эко диво!

Эрибу тоже был сильно удивлен. Искру, похожую на миниатюрную молнию, он и сам увидел впервые. Мало того, мальчик заметил, что она исходила от него! Но почему? Ведь до этого он спокойно прикасался и к братьям, и к родителям, и к друзьям, но никогда прежде ничего подобного не случалось.

– Скажи мне, Эрибу, ты не будешь возражать, если я погадаю для тебя на печени оленя? – спросил старик. – В твоих руках скрыта могучая сила, которую дали тебе боги. Это мне уже понятно. Не скрою – я впервые встретился со столь необычным человеком. И хорошо бы тебе знать, как сложится твоя судьба. Можешь мне поверить, многие хотели услышать откровения из моих уст, да вот только редко кто из них был удостоен такой милости. Человеку с грязными мыслями нельзя даже приближаться к Хене, пресветлой богине. А ты еще юн и чист, как родниковая вода. Поэтому мое гадание будет точным и правдивым.

Мальчик некоторое время колебался, пребывая в сомнениях. Деревенские предсказатели использовали в своих гаданиях камешки, ветки деревьев, камышинки и кости животных, пророчествовали, наблюдая за полетом птиц... Но никогда не гадали на внутренностях животных, считая это дело нечистым, хотя в городах жрецы-прорицатели сплошь и рядом использовали сердце, печень и почки овец и быков, чтобы узнать волю божественных покровителей.

А еще гадалышки никогда не пытались предсказывать судьбы детей. Они считали, что боги до определенного возраста человека пребывают в сомнениях, по какому пути он должен идти дальше.

В конечном итоге он решился. Горящий взгляд странного отшельника, казалось, прожигал грудь Эрибу, доставая до самого сердца. Ушпия был сильно взволнован. Его волнения передалось и мальчику, и он сказал, махнув рукой на все условности:

– Я согласен!

Старик набрал воды из водоема в большую глиняную миску и начал произносить заклинания:

– Как чиста эта вода, так же пусть будет чист перед богами и перед людьми Эрибу, сын горшечника, ради которого приносится жертва...

Они стояли перед изображением богини Хены. Скорее всего, ее изваял сам отшельник из куска известняка, податливого в обработке.

Грубое лицо богини субарейцев было бесстрастным, большой живот и все, что было ниже него, едва прикрывала каменная пластина, изображавшая набедренную повязку, оголенные груди с острыми сосцами торчали в разные стороны, а едва намеченные резцом руки висели вдоль туловища, словно длинные плети. Голову Хены украшал венок из живых цветов и трав, на шее красовалось богатое ожерелье из разноцветных камешков, а под ногами стояла большая каменная чаша для жертвоприношений.

Ушпия сильно обрадовался, когда Эрибу сказал, что в его фляжке хранится кровь оленя. Теперь старик был абсолютно уверен, что Хена примет жертву и гадание будет успешным. Кроме крови, которой он окропил стенки жертвенного сосуда, отшельник положил в чашу несколько кусочков печени и поджаренного мяса и бросил туда горсть ячменя.

Покончив с заклинаниями, старик плеснул в чашу немного воды, а остальную вылил на голову мальчика – для его полного очищения. Затем он принялся за печень оленя и долго ее рассматривал, бормоча при этом молитвы на незнакомом языке. Потом отшельник взял священный кремневый нож, предназначенный именно для таких процедур, и начал резать печень удивительно острым лезвием на длинные полоски. Каждую полоску он рассматривал долго и пристально, при этом многозначительно хмыкая и кивая, соглашаясь со своими мыслями.

– Пройдет немного времени, – наконец сказал Ушпия, когда вся печень была изрезана на кусочки, – и твоя судьба переменится удивительнейшим образом. Тебя ждут опасные приключения, возвышение и богатство. Что повлечет за собой многие опасности. Боги будут хранить тебя, но тебе придется и самому постараться, чтобы не уйти преждевременно к Нергалу. Не верь лстивым речам – и ты спасешься. Никогда и ничего не проси у тех, кто имеет власть. Они сами дадут тебе все, что твоя душа пожелает. Потому что в тебе сокрыто то, чего нет у других людей. И оно бесценно.

Эрибу хотел признаться старику, что может лечить людей с помощью своих странных колдовских способностей, но благоразумно решил до поры до времени не раскрываться перед совсем незнакомым человеком, да еще и субарейцем, к которым ашшуры всегда относились настороженно.

– В тебе есть *сила*! Ее дали тебе твои божественные покровители, – продолжил отшельник, воодушевляясь все больше и больше. – Должен тебе сказать, что и я в молодости был отмечен благосклонностью нашего главного бога Кумарти и бога грома Тешшуба. Увы, старость отняла у меня многие способности, оставив лишь некоторые. Гляди!

С этими словами Ушпия снова наполнил миску, поставил ее на плоский камень, а затем приблизил ладонь правой руки к водной глади, закрыл глаза и напрягся, что было видно по лихорадочному румянцу, быстро окрасившему его морщинистые смуглые щеки. При свете костра временами они казались измазанными в крови, которая пробилась через дубленую старческую кожу лица.

Какое-то время не происходило ничего. Но затем над черным водяным зеркалом, в котором отражалась ночь, вдруг появился пар и спустя несколько мгновений вода в миске... начала закипать! У Эрибу глаза полезли на лоб от удивления. Он был потрясен. Как это может быть?! Без огня!

Старик посмотрел на него с хитрецей и сказал, протягивая ему миску:

– А ты сунь палец в воду.

– Э-э, нет! – поспешно ответил мальчик, опасливо отодвигаясь в сторону.

Ему было вполне достаточно печального детского опыта, когда он, будучи совсем мальцом, попытался достать из кипятка угодившую в котелок игрушку – резного деревянного конька, творение старшего брата, Хану, который был мастер на все руки.

Эрибу сильно обжегся, кожа на руке свисала клочьями, мать по ночам плакала, а отец сильно опечалился, стал угрюмым и раздражительным, ведь с такой искореженной рукой о профессии горшечника можно было забыть. В мастерстве горшечника непоследнюю роль играли чуткие пальцы, а они стали у Эрибу словно деревянные чурки.

Но произошло чудо. Оно стало первым в ряду многих чудес, которые случились с Эрибу позже, – страшные раны от ожогов спустя месяц после происшествия зажили, да так, что лишь искушенный взгляд мог заметить тонкие рубцы. Рука обрела прежнюю чувствительность, пальцы – гибкость, а Манну принес щедрую жертву в главный храм бога Ашшура, который явил такую милость его младшему сыну.

А мать решила, что помогли ее мази – секрет вавилонских жрецов. Ну и, понятное дело, без верховного бога Мардука²¹, которому поклонялись в Вавилоне, дело не обошлось. Ведь он был не только отцом богов, но также искусным врачевателем. Во время Акиту – празднования нового года, который совпадал с днем весеннего равноденствия, Ина целую ночь молилась в холмах и приносила жертвы раскрашенной керамической статуэтке Мардука, спрятанной от посторонних глаз в пещере.

Изображение главного бога Вавилона она привезла с собой в качестве приданого, но открыто поклоняться Мардуку не решалась. Да и отец был против. Неровен час, статуэтку Мардука увидят жрецы – беды не оберешься. Поэтому Ина нашла в холмах уютную пещерку, обустроила там Мардука и время от времени навещала своего кумира, чтобы приносить жертвы и украшать импровизированный храм главного вавилонского божества свежей зеленью и цветами.

Старик весело рассмеялся и сунул руку в кипящую воду. Подержав ее немного в миске, он показал результат своего безумного поступка, как подумал ошеломленный Эрибу. Рука была целехонька!

– Это всего лишь видимость, обман зрения, – сказал отшельник. – Отводить глаза – моя бывшая профессия. Пока годы не выбелили мои волосы и ноги несли меня без устали туда, куда мне хотелось, я зарабатывал такими фокусами себе на пропитание. Попробуй и убедись, что вода холодная.

Не без некоторой опаски Эрибу последовал совету старика. И в самом деле, вода даже не нагрелась.

– А теперь смотри сюда...

С этими словами Ушпия раскрыл ладонь, и Эрибу опешил – на заскорузлой, вымазанной сажей коже сверкал огромный драгоценный камень! Это был красный нофекс²². Очень дорогое ожерелье из таких камней (только мелких) отец подарил матери после похода на Израиль (это был трофей Манну), поэтому мальчик знал это название. Но камень на ладони отшельника был баснословной цены. За него можно было купить всю деревню горшечников! Вместе с ее обитателями. Конечно, если такая блажь придет в голову царю.

– Впечатлен? – посмеиваясь, спросил старик.

– Невероятно... – просипел в ответ мальчик, потому как горло стиснул неожиданный спазм.

---

²¹ Мардук, Ашару, Бэл, Воин, Золотой Бык, Меродах и прочее – в шумеро-аккадской мифологии верховное божество пантеона Вавилонии, верховный бог в Древней Месопотамии, бог-покровитель города Вавилона после 2024 г. до н. э. Вавилонскими жрецами середины I тыс. до н. э. все божества объявлялись воплощениями Мардука.

²² Нофекс – так древние евреи называли гранаты.

– У тебя большие способности, но узреть то, что скрывает пелена обмана, ты пока не можешь. – Ушпия накрыл ладонь другой рукой, а когда убрал ее, Эрибу и вовсе отказался верить тому, что увидел.

Вместо драгоценного нофекса на ладони старика лежал невзрачный красный камешек, каких немало можно было найти в горных ручьях.

– Способность видеть то, что скрыто от человеческого взора, – первая и главная заповедь любого, кто хочет достичь сияющих вершин знатности и богатства, – поучительно сказал субарец. – Это касается не только разгадок фокусов базарных штукарей. Проникнуть в замыслы врагов, которые обычно скрываются под личиной приязни и подобострастия, – значит, победить...

Ночь в обществе отшельника пролетела незаметно. Они практически не спали. Ушпия рассказывал Эрибу о странах, которые он посещал в своих странствиях, описывал обычаи народов и племен, окружавших Землю Ашшур, поведал мальчику несколько притч субарейцев, объяснив их смысл... А когда пришло время прощаться (Эрибу щедро поделился со стариком своей охотничьей добычей), растроганный Ушпия сказал:

– Если хочешь обрести способность владеть своими чувствами и читать мысли недоброжелателей, можешь посещать меня, когда тебе вздумается. Я научу тебя многому. Странствия меня уже не прельщают, поэтому из этих святых мест я уже никуда не уйду. Разве что по призыву Кумарти, на темные равнины.

Мальчик радостно кивнул, что должно было означать: «Да, конечно!» – странный отшельник сильно его заинтересовал – и по едва приметной тропке начал спускаться в долину, укрытую розовым туманным покрывалом, в котором пряталось солнце.

Глава 3

Черный паук

В Большом – Первом – дворе главного дворца царя в Дур-Шаррукине²³, как обычно, царило столпотворение. Ашипу Кисир-Ашур едва успел отскочить в сторону, чтобы не попасть под копыта пытающегося встать на дыбы «осла с гор», которого едва удерживали двое конюхов. Так ашшурцы называли лошадей, которых выращивали в горах Урарту. Жеребец был стройным, породистым, с подтянутым животом, мощной грудью, тонкими ногами, коротко подстриженной гривой и маленькой, изящной головой на лебединой шее. Видимо, его прислал Шаррукину в качестве дани кто-то из вождей покоренных горных племен.

Вся жизнь царского дворца сосредотачивалась в его дворах. Первый двор по размерам был самым большим; по площади он занимал половину эблу²⁴ и был центром всей жизни дворца. Здесь всегда стоял шум, и было многолюдно. На Большом дворе постоянно присутствовали придворные поставщики, которые привозили всевозможные запасы для многочисленных нужд царского дворца, через двор проводили лошадей и ослов, туда-сюда бегали слуги, суетливо и поспешно исполнявшие поручения и приказания своих господ...

По этой причине Большой двор в сравнении с величественным входом в него, был отделан значительно проще. Его вымостили простыми каменными плитами, как мостовую, а на белых гладких стенах не было никаких украшений. Оживляли их только множество резных кипарисовых дверей, украшенных бронзовыми изображениями животных, растений и различных божеств. Они вели с Большого двора во внутренние покои, вход в которые охранялся каменными крылатыми быками – шеду²⁵ в высоких тиарах. Вокруг Первого двора располагались здания разных служб, архивы и помещения придворных лекарей-ашипу и асу. Здесь находился и кабинет Кисир-Ашура.

Впрочем, кабинет – это громко сказано. Несмотря на свое высокое назначение в Совет придворных ашипу, Кисир-Ашур ютился в скромном по размерам помещении, заставленном стеллажами с глиняными табличками, кувшинами и горшочками с лекарственными препаратами, и статуэтками водяного бога Эа, богини Гулы, которая покровительствовала врачевателям, бога, прозванного Ниназу (Господин Врач), и его сына Нингиззиду, державшего в руке древесную ветвь, обвитую змеями. Впрочем, его кабинет имел еще и достаточно просторную кладовую, где лекарь поставил мягкий диванчик, чтобы в любое время можно было отдохнуть от трудов праведных.

Оказавшись в своих владениях, Кисир-Ашур первым делом сбросил дорожную одежду, наполнил из водопровода большую каменную ванну, предназначенную для лечебных процедур, и с огромным облегчением погрузился в прохладную воду. Он сопровождал сына царя, которого звали Син-аххе-эриб, в инспекционной поездке по трем священным городам Вавилонии – Ниппуру, Сиппару и Вавилону.

В отличие от отца, со жрецами царевич не ладил, никого из них к себе близко не подпускал, был с ними надменен и неприступен, лишь к Кисир-Ашуру относился благосклонно и доверял только ему – уж непонятно, по какой причине. Мало того, в поездке они почти

---

²³ Дур-Шаррукин – Крепость Саргона (*аккад.*). Столица Ассирии в последние годы правления Саргона II. Город строился по его проекту в период с 717 по 707 гг. до н. э.

²⁴ Эблу – мера площади в Древней Ассирии. 1 эблу равен 1/3 буру, или 6 нку, или 2,12 га.

²⁵ Шеду – в шумеро-аккадской мифологии дух-хранитель человека, выражающий его индивидуальность. В сугубо мужской форме именовался Шеду (по-аккадски) и алад (по-шумерски), в нейтральной (которая могла быть и женской) – ламмасу (по-аккадски) и лама (по-шумерски). В искусстве изображался в виде существа с телом быка или льва, с орлиными крыльями и человеческой головой.

подружились и начали испытывать друг к другу приятные чувства, что невозможно было во дворце, который замыслил и построил отец Син-аххе-эриба. Кисир-Ашур, несмотря на свое высокое положение, конечно же, не принадлежал к вельможной знати, поэтому не присутствовал ни на приемах иноземных гостей, ни на пирах.

Ашипу взял с полки изысканной формы горшочек с жидким ароматным мылом «нечет», которое было очень дорогим и которое привозили купцы из далекой страны Та-Кемет, намылился и стал смывать с тела пыль и липкий пот.

Водопровод и канализация были изначально заложены в проекте Дур-Шаррукина лично правителем Земли Ашшур. Дворец построили на месте деревеньки Магганубба. Земля здесь давала два урожая в год. Углы дворца были обращены на четыре стороны света, а сам он стоял на огромной глиняной насыпи, обложенной кирпичом и пронизанной целой системой дренажных труб и вентиляционных колодцев. Из города на эту насыпь вели монументальные пандусы для въезда колесниц.

Кисир-Аштуру вспомнилась надпись на хорошо отполированной каменной глыбе, которая была установлена во дворце после окончания строительства по велению Шаррукина (Дур-Шаррукин был освящен совсем недавно, в прошлом году, двадцать второго ташриту²⁶):

«Триста пятьдесят царей до меня владели Землей Ашшур и прославляли могущество Бэла²⁷, но никто из них не исследовал этого места и не думал о том, чтобы сделать его обитаемым, не пытался вырыть там канал. Я думал день и ночь о том, чтобы сделать обитаемым это место, чтобы освятить его храмы, жертвенники великим богам и дворец, где обитает мое величество. Я повелел приступить к его созданию. Днем и ночью работал я для счастья и удовлетворения моего сердца... Когда дворец построили, я поселился во дворце моем вместе с великим господином Бэлом, владыкой стран, с богами и богинями, которые обитают в Земле Ашшур, с сонмами их служителей, с начальниками областей, с наместниками, мудрецами, учеными и вельможами. Я повелел сложить там золото и серебро, вазы из золота и серебра, драгоценные камни различных цветов, железо, льняные и шерстяные материи, материи голубые и пурпурные, жемчуг, сандал, черное дерево. Я повелел поставить там коней из страны Мусри²⁸, а также ослов, мулов, верблюдов и быков. Я вселил радость в сердце всех богов этими дарами. Да благословит Ашшур, отец богов, эти чертоги на долгие, долгие дни!».

Шаррукин сам указал расположение будущего дворца, длину и высоту его стен, дворов и других помещений, подсказывал, что должны изображать художники, как отделять тронный зал и другие залы (их было двести десять, а дворов тридцать) и его покои, лично размещал статуи богов.

Главный вход во дворец находился на юго-востоке. К нему вела двойная лестница со ступенями из каменных плит. Всего в городе было восемь ворот – по двое на каждую сторону. Каждая пара была посвящена одному из богов и называлась его именем – Бэла, Набу, Ану, Иштар. Со стороны поля прикрытием служила небольшая крепость, углы которой защищали невысокие башни. А массивные стены города защищали сто пятьдесят семь башен. Через пять ворот, предназначенных для простонародья, в столицу входили люди и прогоняли скот. Каждое утро здесь проезжали возы, груженные дичью, зеленью и плодами.

Главные ворота Дур-Шаррукина были величественны. Они состояли из трех входов – центрального и двух боковых. Центральный открывался лишь в самых торжественных случаях, – когда через него входил сам царь во всем своем великолепии, с пышной многолюдной

²⁶ Ташриту – месяц сентябрь – октябрь.

²⁷ Бэл (*аккад.*) – владыка, господин. В религиях Древнего Междуречья обозначение верховного бога. Применялось по отношению к шумерскому богу Энлилю, одному из троицы космических богов (Ану, Энлиль, Эа), а позднее являлось обозначением Мардука, бога города Вавилона.

²⁸ Мусри, Мусур – северо-западная часть Аравии (Синайский полуостров и проч.).

свитой. Боковые входы были всегда открыты для многочисленных посетителей, приходивших во дворец по разным делам.

Центральный вход был очень красив. На посетителя строго смотрели шесть фигур огромных крылатых быков-шеду. Это были божественные стражи ворот. Боковые входы также охранялись крылатыми быками, но меньших размеров. Между ними стояли две гигантские фигуры Гильгамеша²⁹. Он был изображен в виде знатного ашшура. В правой руке древний герой держал короткий кривой меч, а в левой – убитого льва за переднюю лапу.

Дворцовые помещения и храмы занимали площадь около пяти эблу. Все это огромное пространство было застроено разнообразными апартаментами, разделенными друг от друга дворами. Главный вход вел в самый большой из тридцати дворов дворца – Первый. На северо-восточной стороне Большого двора находились поварни и кладовые, конюшни и стойла для лошадей, верблюдов, ослов и быков, а также большие сараи для многочисленных колесниц повелителя Земли Ашшур, его жен, сыновей и свиты. Тут же находились помещения для многочисленной obsługi царя и остальных обитателей дворца.

Широкий коридор напротив главного входа вел в парадные помещения; его также охраняли крылатые быки. Если идти по нему, никуда не сворачивая, то можно попасть в главный зал дворца, где происходили торжественные приемы послов и сановников, устраивались великолепные пиры и празднества. Стены зала украшали рельефы, изображающие события из военной и охотничьей жизни Шаррукина. Кроме картин, они были разрисованы многоцветными орнаментами, состоящими из цветов лотоса и спиральных линий. Свет падал в зал сверху, прямо с неба, ведь крыши над ним не было.

Дворец еще не был закончен, он достраивался. Собственно, как и Дур-Шаррукин, новая столица Земли Ашшур. Строительные работы велись днем и ночью. Главный царский архитектор Таб-Шар Ашшур давно забыл про отдых и нормальный сон. Большое количество рабов и вольнонаемных каменщиков были доставлены в столицу из всех земель, принадлежащих государству ашшуров, и многоязыкий говор витал над обширной строительной площадкой вместе с облаками пыли.

Несмотря на то, что Таб-Шар Ашшур знал множество языков и наречий, нередко он становился в тупик, когда солдаты пригоняли очередную партию пленников, которые были ужасно бестолковыми и не понимали, что им говорит важный господин в одежде, запыленной известью и гипсом.

– Где вы набрали этих баранов?! – вопил архитектор, хватаясь за голову.

Кисир-Ашура толкотня в недостроенном дворце раздражала, мешала сосредоточиться, приносила сумятицу в его размышления. Он тряхнул головой, чтобы избавиться от ненужных мыслей и излишка воды, пропитавшей волосы, вылез из ванны, осушил тело с помощью мягкого льняного полотенца и стал одеваться. Теперь, чтобы выглядеть прилично, он должен был посетить дворцового парикмахера-раба.

В отличие от придворных разных рангов и вельмож, которым завивали свои бороды впечатляющих размеров и волосы, прическа ашшипу была без особых изысков. Он носил длинные, зачесанные назад волосы, скототые простой заколкой, и небольшую, коротко подстриженную бородку.

Обычно на лбу волосы укладывались в спиральные локоны, а возле ушей и щек – скручивались в кольца, но Кисир-Ашур пренебрег этим веянием моды. У него было слишком много работы, чтобы подолгу просиживать в каморке парикмахера. Он хотел, чтобы раб всего лишь тщательно причесал его и умастил волосы приятными ароматами.

---

²⁹ Гильгамеш – правитель шумерского города Урука в конце XXVII – начале XXVI в. до н. э. Персонаж шумерских сказаний и аккадского эпоса, одного из величайших произведений литературы Древнего Востока.

Когда он вошел в помещение парикмахерской, то застал там раб-реши³⁰, военачальника большого подразделения, которым командовал Син-аххе-эриб. Парикмахер как раз трудился над бородой грозного воина. Увидев эту картину, Кисир-Ашур мысленно застонал. Он знал, что ему придется ждать долго.

Буйная растительность на подбородке играла важную роль в облике солдата, потому как считалось, что воин с большой бородой выглядит пугающе для противника, с которым на полях сражений придется встретиться лицом к лицу. Но борода служила не только средством устрашения врагов, но и предметом чуткой заботы. Воины Земли Ашшур были чрезвычайно суеверны, поэтому завивали свои бороды в затейливые колечки, которые, по народному поверью, приносили успех в сражениях. Так это или нет, но армия под командованием царя Шаррукина всегда побеждала.

Кисир-Ашур присел на мягкий пуфик и приготовился испытать свое терпение. К тому же дело у парикмахера шло к концу.

Раб-реши глянул на ашипу, его угрюмое темное лицо посветлело, и он приветливо кивнул ашипу. Лекарь послал ему в ответ приятную улыбку. Он знал, почему суровый нелюдимый воитель столь снисходителен к нему. Два года назад Кисир-Ашур буквально вытащил сына раб-реши из когтистых лап Нергала. Будь на месте ашипу другой врачеватель, бедный мальчик, надежда сиятельного отца, не вернулся бы к нормальной жизни, потому что его болезнь нельзя было вылечить обычными снадобьями.

Телом и душой ребенка завладел демон, и изгнать его даже очень опытные придворные асу, конечно же, не могли. Но заклинания и некоторые другие манипуляции, к которым прибег Кисир-Ашур, помогли вернуть мальчику душевное равновесие, иначе его уделом было бы заключение в доме для буйных умалишенных. Увы, не все подобные болезни поддавались лечению...

Дождаться своей очереди ему не дали. В парикмахерскую заскочил запыхавшийся раб-ша-реми, главный евнух гарема, и, увидев Кисир-Ашура, радостно возопил:

– Великий Бэл, наконец-то! Я уже обыскался тебя, о достойнейший.

Толстяк был весь мокрый от пота, а его и так большие глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит.

– Что стряслось? – встревожился Кисир-Ашур.

Раб-ша-реми в качестве посыльного – это было что-то из ряда вон выходящим. Похоже, во дворец пришла большая беда. Неужто Шаррукин?.. О боги, нет!

Додумать Кисир-Ашур не успел. Евнух выпалил:

– Повелитель умирает! Никого из лекарей к себе он не подпускает! Приказал найти тебя! Быстрее!

– Что с ним?

– Его укусил паук!

– А куда смотрел евнух-постельничий?!

– Теперь уже его не спросишь... – буркнул раб-ша-реми.

– Это почему? – спросил на бегу ашипу.

Он торопился в свой «кабинет», чтобы взять сумку с лекарствами, пригодными на все случаи жизни. Там были снадобья для оказания первой помощи, в том числе и разные противоядия. Отравления во дворце были нередки, вольные или невольные, по злему умыслу, а уж укусы разных насекомых и змей вообще считались в порядке вещей.

Лето в Земле Ашшур длилось долго, в отличие от зимы, которая продолжалась не более восьми недель. В летнее время зной был невероятным. Страна превращалась в желтый от песка ад. Гигантские пыльные смерчи поднимались над высохшими полями, неся смерть всему

---

³⁰ Раб-реши – генерал.

живому. Дожди выпадали редко, а если такое и случалось, то это был просто сплошной ливень – под дикий грохот грома и сверканье молний. Земля мигом превращалась в море грязи, и путники, застигнутые ливнем в дороге, рисковали погибнуть в топком болоте.

В это время пробуждались целые полчища блох, которые жадно набрасывались на людей. А когда солнце начинало посылать на землю свои палящие лучи, блох сменяли кусачие песчаные мухи. Затем появлялись финиковые осы, после укуса которых появлялись гноящиеся нарывы, таившиеся в сухостое больно жалящие скорпионы, змеи, от яда которых можно было спастись лишь быстро приняв противоядие, различные жуки, встреча с которыми для человека могла закончиться печально, и, конечно же, ядовитые пауки. Похоже, одному из них удалось проникнуть в опочивальню царя...

– Он уже в гостях у Нергала и его жены, богини Эрешкигаль, – ответил главный евнух с постной миной на круглом безбородом лице. – Ему отрубили голову.

«Мог бы и не спрашивать, – с запоздалым раскаянием подумал лекарь. – Шаррукин быстр на решения. Иногда даже чересчур быстр...»

Он был знаком с постельничим и часто предупреждал его, чтобы тот следил за сеткой, которая закрывала ложе правителя Земли Ашшур со всех сторон. Это нововведение Кисир-Ашур подсмотрел, когда некоторое время обучался искусству врачевания у жрецов Та-Кемет. Но постельничий был ленив и забывчив, что и сослужило ему плохую службу.

Паук укусил Шаррукина за правую ногу чуть ниже колена. Тело повелителя ашшуров сотрясали судороги, он корчился от боли, его лицо стало серым, а крупный крючковатый нос еще больше заострился и стал похожим на ястребиный клюв.

– Я выживу? – первым делом превозмогая боль, спросил Шаррукин сквозь стиснутые зубы.

Вопрос был отнюдь несправедливым. Царя укусил черный паук. Это было очень плохо. Обычно после укуса этого паука у человека немели ноги, кружилась и болела голова, он сильно возбуждался, и у него появлялся страх смерти. Кисир-Ашур сразу понял, едва взглянув на ранку, какой незваный «гость» посетил опочивальню правителя, и в ответ лишь утвердительно кивнул, лихорадочно готовясь к операции. Нужно было немедленно вскрыть место укуса и очистить его, выпустив побольше зараженной ядом крови, а затем уже приступить собственно к лечению.

Но сначала Кисир-Ашур сделал холодный компресс на ногу – чтобы яд не так быстро распространялся по телу повелителя ашшуров. К сожалению, под рукой не было льда, но лекарь надеялся, что Шаррукин укушен недавно.

Положив свои хирургические инструменты в жаровню с пылающими угольями (этому ашипу научился в Та-Кемет; после такой процедуры резаные раны заживали быстрее и без осложнений), Кисир-Ашур достал из сумки крохотную шкатулку с порошком, который представлял собой высушенный на солнце млечный сок, добываемый из незрелых коробочек особого мака. Это была большая тайна ашипу. Лекари Земли Ашшур уже знали свойства этого лекарства, но оно было баснословно дорого и не всем по кошельку. Лишь сообразительный Кисир-Ашур выведал секрет жрецов Та-Кемет и теперь имел личные запасы снотворного макового порошка.

Вся проблема заключалась в том, что млечный сок с нужными свойствами, который сушили, превращая в порошок, давал лишь мак, произрастающий далеко от Дур-Шаррукина. Чтобы его добыть, ашипу удалялся на некоторое время в горы, где у него были заветные поляны особого «сонного» мака, который жрецы Та-Кемет называли «растением радости». Эти отлучки он мотивировал тем, что должен поклониться горным духам, которые помогали в лечении больных.

Отсыпав нужное количество порошка, ашипу растворил его в освежающем фруктовом напитке, долил туда из флакона нужное противоядие и дал выпить Шаррукину. Правитель

беспрекословно исполнил указание лекаря, и вскоре боль ушла. Он блаженно заулыбался и крепко уснул. Кисир-Ашур мысленно представил, как он действовал бы, будь на месте царя какой-нибудь простолюдин или раб, и невольно улыбнулся.

Конечно же, ни один лекарь не стал бы тратить драгоценное лекарство на бедняка, который не в состоянии оплатить лечение. Чтобы облегчить страдания во время операции, применялся дешевый и простой способ – широкая ременная петля, наложенная на шею пациента. Ее затягивали до тех пор, пока оперируемый не терял на некоторое время сознание от удушья. Так повторялось несколько раз, если операция была сложной и продолжалась длительное время.

Сноровисто вскрыв ранку, Кисир-Ашур добился, чтобы рана обильно начала кровоточить, затем смазал ее целебной мазью, которая вытягивала яд из крови, прикрыл порез двумя листочками ивы и наложил повязку. Проделав все эти манипуляции, он жестом отправил прочь наблюдавшего за операцией евнуха, склонился над правителем Земли Ашшур, и начал читать заклинания.

Черный паук, который укусил Шаррукина, был очень ядовит. Ашипу знал, что его яд в несколько раз сильнее яда гремучей змеи. Скорее всего, это была самка. Хорошо, что ашипу находился рядом, во дворце. Малейшее промедление в оказании помощи могло закончиться трагически. Черные пауки были настоящим бедствием для ашшуров, особенно во время спаривания. Они любили заползать в человеческое жилье, где находили подходящие места для охоты. Особенно страдали от их укусов беззаботные дети.

Тихий голос Кисир-Ашура постепенно крепчал и уже гремел, заполняя опочивальню Шаррукина:

– Мои руки наполнены зернами ячменя! Мои руки наполнены жаром, лихорадкой, ознобом, мои руки наполнены проклятиями, сглазом! Мои руки наполнены мучениями, страданиями, болезнью, болью, грехами, проступками, преступлениями, пороками! Мои руки наполнены физическими и нравственными страданиями, чарами, приворотным зельем, колдовством и порчами. Подобно тому, как эти зерна сжигаются огнем, как сеятель не посеет их в поле, как они не прозябнут в бороздках и каналах, как они не вращаются своими корнями в землю, как из них не поднимется никакой стебель, как они не увидят солнца, так пусть и порча не произрастет в сердце повелителя, ее корень не внедрится в его позвоночник, а стебель не пронзит его грудь! Пусть проклятие, порча, мучение, страдание, болезнь, боль, грех, проступок, преступление, порок и болезнь, которые таятся в его сердце, его плоти, его членах, сгорят, подобно этим семенам! В этот день да поглотит их пламенеющий Гирра³¹, да снимет он порчу, и да будет жить царь Шаррукин в полном здравии до скончания века!

С этими словами лекарь бросил в жаровню две жмени ячменя, и над пылающими угольями поднялся легкий дымок. Осталось последнее – уничтожить в свою очередь огонь, который поглотил зерна ячменя, символизирующие чары. Таким образом, исчезнут всякие следы колдовства.

– Я, ашипу храма Ашшура, зажигаю уголья в жаровне и источаю избавление – я священный жрец Эа, посланец Мардука! Жаровню, которую я зажег, гашу, огонь, который развел, тушу, зерно, которое высыпал в огонь, измельчаю. Так же, как я погасил огонь, как измельчил зерно, которое рассыпал, пусть Син³², который освобождает богов и людей, распутает завязанный им узел. Да откроется для Шаррукина закрытое сердце его бога и богини! Да будут изглажены его прегрешения, да будут они отпущены ему, да будут они ему прощены!

---

³¹ Гирра, Гибил (*аккад.*) – в шумерской мифологии бог огня, сын бога грозы Ишкура и богини плодородия Шалы.

³² Син – бог луны, он всегда стоит впереди солнца; поэтому у семитских народов начало дня считалось с заходом солнца. Уже в древние времена Син признавался отцом Шамаша и Иштар. Он не имел над собой никакого судьи, считался производителем богов, людей и всех живых существ. Жители Междуречья считали, что он приносит людям право, закон и справедливость.

Шаррукин, очнувшийся после окончания действия млечного сока, но все еще пребывающий в легком забытии, начал обильно потеть. Оставив его под присмотром своего главного помощника, асу, которого звали Накиду, лекарь решительно направился в покои главного евнуха – раб-ша-реми. Сокращенно его звали Шума. Но в основном за глаза. Шума был чересчур влиятельным вельможей, чтобы относиться к нему запанибрата. Он осуществлял надзор над кицир-шаррути – личной дружиной царя, его гвардией.

Кицир-шаррути состояла из профессиональных воинов на казенном обеспечении. Находясь в прямом подчинении Шаррукину, большая часть гвардейцев зук-шепе была расквартирована в Дур-Шаррукине – в экал-машарти, столичных казармах, которые назывались «Дворцом смотров». Личная дружина царя располагала всеми родами войск: конницей (питхаллу) числом тысяча человек, пехотой (шепе) порядка десяти тысяч человек, а также колесницами – наркабту. Пехота подразделялась на лучников – наш-касти, копейщиков – наш-азмару, щитосцев и пращников.

В кицир-шаррути входило еще более элитное подразделение – ша-курбути, воины которого сопровождали не только самого Шаррукина, но и его жен, а также наследников престола. Однако самыми приближенными к телу царя были ша-шепе – телохранители. Эти могучие воины выделялись из общей массы красивым и дорогим защитным облачением и своими боевыми качествами и навыками.

Они были обучены приемам рукопашного боя и взятия противника живьем. Им поручались самые сложные задачи. И главный евнух не просто надзирал за ша-шепе, а был непосредственным начальником телохранителей. Хитроумный интриган Шума, конечно же, не мог выпустить из рук столь действенный инструмент в придворных интригах. Но подчинялись они только указаниям царя.

Евнух пребывал в унынии. Ведь его высокое положение при дворе (в гораздо большей мере, чем благополучие Кисир-Ашура) напрямую зависело от повелителя ашшуров. У другого царя будут иные предпочтения и свои любимчики. Глянув на ашипу, евнух глухо спросил:

– Чем порадуешь?

– Увы... – Лекарь тяжело опустился на табурет.

После заклинаний он всегда чувствовал себя опустошенным. Ведь ему приходилось брать на себя часть страданий пациента. А уж в случае с Шаррукином он старался изо всех сил.

– Только не говори, что наш повелитель скоро может отправиться к Нергалу!

– Все там будем, – устало ответил ашипу. – Рано или поздно. Но нашего господина пока рано хоронить. Есть надежда...

Евнух кисло покривился, но промолчал. Он знал, что не все зависит от искусства лекаря, хотя Кисир-Ашур был лучшим из придворных ашипу. Если боги решат, что жизненный путь человека подошел к концу, то не помогут никакие лекарства и заклинания.

– Испей, – сказал Шума, указав глазами на высокий кувшин с узким горлом и красивый серебряный кубок. – Вино превосходное, из нагорий Биайнили³³. Тебе нужно подкрепиться. Ты бледный, как льняное полотно.

Первый кубок лекарь выпил до дна, не почувствовав вкуса. И лишь когда пришла очередь второму кубку, Кисир-Ашур мысленно согласился с евнухом – вино было просто великолепным. Шума знал толк в винах...

Какое-то время оба молчали, углубившись в свои мысли. А затем лекарь, остро глянув на главного евнуха, поинтересовался:

– Постельничего успели допросить?

---

³³ Биайнили – древнее название Урарту – государства в юго-западной Азии, располагавшегося на территории Армянского нагорья.

– Зачем? И так все ясно. Нельзя столь небрежно относиться к своим обязанностям. Ему доверили самую большую ценность, – жизнь царя – а он утопил это доверие в пальмовом вине. К слову, совершенно скверном, но крепком.

– Жаль...

– Почему? Каждый из нас в любой момент может сложить голову во славу нашей великой державы. У одних получается умереть со славой, ну а другие, как постельничий, оказываются мусором под ногами достойных людей, место которому на свалке. Увы, так ведется издревле.

– Я не об этом. Странность происшествия заключается в том, что сезон спаривания черных пауков, когда они норовят забраться в помещение, закончился. И как, каким образом этот паук попал в опочивальню нашего повелителя, большая загадка. Тебе ведь известно, настолько тщательно рабы следят за тем, чтобы ни одно насекомое не проникло в покои царя. А постельничий вообще обязан внимательнейшим образом осмотреть ложе и одеяла, а также целостность сетки, которой закрывается постель повелителя.

Шума прищурил глаза и ответил ашипу долгим взглядом. Он был очень умен, но язык всегда держал за зубами. Шума и Кисир-Ашур не были в дружеских отношениях, но ценили друг друга за высокий профессионализм и преданность царю, которому были обязаны своим возвышением.

Наконец евнух прервал длительное молчание хлопком в ладони. На зов прибежал раб, Шума отдал соответствующее распоряжение, и вскоре перед лекарем и хозяином стояла большая миска с акридами³⁴, поджаренными на оливковом масле с чесноком, луком и соком сладкого лиму³⁵. Это было любимое блюдо ашшуров. Крупными жареными акридами обычно закусывали вино, а также финиковое и гранатовое пиво.

– Уверен, что ты проголодался, – объяснил свой заказ евнух, проигнорировав намерение Кисир-Ашура разобраться в ситуации с черным пауком.

При этом Шума многозначительно повел взглядом в сторону стены, занавешенной пестрым ковриком.

Ашипу молча кивнул – мол, все понятно. Захватив власть силой, Шаррукин стал маниакально подозрительным. Его шпионы присутствовали везде – на рынках, на улицах, во дворце... Все дворцовые стены имели «уши» и «глаза» – потаенные отверстия, через которые специально обученные соглядатаи подслушивали и подсматривали за придворной знатью.

Шаррукин опасался предательства и очередного переворота. Существовала специальная канцелярия, в которой трудились особо доверенные писцы. Они заносили на глиняные таблички донесения шпионов, а начальник тайной стражи, выходец из ша-шепе, каждый вечер перед сном докладывал царю их изыскания, после чего на следующий день слетали головы глупцов, у которых был слишком длинный язык.

С удовольствием похрустев акридами, Кисир-Ашур допил свое вино и засобирался. Разговор, на который он надеялся, не состоялся. Но на прощанье главный евнух, как бы невзначай, сказал:

– Люблю вечером прогуляться по саду... Усталость как рукой снимает.

Ашипу с пониманием на мгновение прикрыл веки. Похоже, главный евнух очень заинтересован в продолжении разговора, а найти во дворце лучшее место для тайной беседы, нежели тенистые аллеи сада, где шпионам трудно спрятаться, просто невозможно.

Сад прилегал к дворцу, а за пределами городской стены был разбит прекрасный охотничий парк царя с искусственными холмами и озерами. В саду росли яблони, айва, миндаль, мушмула, смоквы, груши, оливы, фисташковые и гранатовые деревья. Гранатовое дерево особенно ценилось ашшурами за плоды и за красивые, душистые цветы.

---

³⁴ Акриды – род съедобной саранчи.

³⁵ Лиму (*перс.*) – лайм. Вид цитрусовых растений семейства Рутовые (Rutaceae), генетически схожих с лимоном.

В саду вообще было много цветов. Буквально на каждом шагу встречались клумбы с благоухающими розами, небольшие озерки с лилиями и лотосами, а также привезенные из разных стран другие цветущие растения, названия которых знали лишь дворцовый садовник и его помощники-вардумы³⁶, в основном вавилоняне.

Во время походов царь приказывал бережно вынимать из земли с корнями красивые деревья неизвестных ему пород и в больших корзинах доставлять в Землю Ашшур, где их рассаживали в охотничьем парке и дворцовом саду Дур-Шаррукина. В парке было много искусственных террас, сделанных из кирпича, поэтому для деревьев устраивались гнезда, которые заполнялись плодородной землей. Вода для полива деревьев бралась из искусственных каналов и озер, которые наполнялись из реки при помощи хитроумного приспособления – большого водяного колеса.

Кисир-Ашур возвращался в покои Шаррукина в большой тревоге. В голове лекаря вертелось пророчество Баниту. Старая колдунья практически не ошибалась в своих предсказаниях, однако, демон ее побери, какое отношение к сиятельной персоне царя имеет глина и человек, которому она подвластна?!

Этот спаситель Шаррукина – горшечник? Но лекарь вместе с отрядом гвардейцев кицир-шаррути обследовал все деревни гончаров Земли Ашшур и не нашел ни одного толкового колдуна, способного на большие свершения. Они не имели *силы*, а уж в этом вопросе опытный жрец-ашипупу знал толк. Максимум, на что были способны колдуны из селений горшечников, так это творить заклинания, облегчающие течение болезни, и зарабатывать на жизнь предсказаниями, которые чаще всего не сбывались.

Плюнув через левое плечо, чтобы отогнать демонов, которые могли незаметно проникнуть в опочивальню Шаррукина вместе с ним, лекарь прикоснулся к серебряной фигурке-амулету Ашшура и переступил через высокий порог входной двери дворца, чтобы окунуться в благословенную прохладу коридоров.

---

³⁶ Вардум – раб.

Глава 4

Солдат

Эрибу шагал в пыльном облаке, ориентируясь на впереди идущего воина. Пришел и его черед нести «илку» – воинскую повинность. Ашшурцы могли отбывать «илку» в форме несения солдатской службы (цаб-шарри), в рядах резерва (ша-куталли), а также на строительстве дорог и крепостей (дуллу). Наиболее пригодные молодые люди при смотре и переписи определялись в солдаты – пехоту, кавалерию и даже в элитные колесничные войска. Приблизительно такое же количество, как набранные солдаты, составляли служащие резерва; и наконец, оставшиеся попадали в ряды дуллу.

Тот, кто имел возможность, мог официально освободиться от воинской повинности, оплатив расходы на содержание и обмундирование любого другого рекрута цаб-шарри. Или же сын мог отправиться в поход вместо занемогшего отца. Манну имел достаточное количество серебра для выкупа Эрибу, чтобы тот не познал тягот воинской службы, но строптивый сын был непреклонен. «Хочу познать мир!» – ответил он, как отрезал.

Мысленно Манну соглашался с мнением Эрибу – размеренная и скучная деревенская жизнь засасывала, как болото. Но, будучи бывалым солдатом, горшечник знал, что война – это не легкая прогулка ради познания мира, а пот, кровь, раны и увечья. Не говоря уже о ненасытном Нергале, который поджидал солдата на каждом шагу, в каждом сражении. Тем не менее на Эрибу не действовали никакие доводы и уговоры. Он стремился вырваться из деревни, как птица из силков, повинаясь внутреннему зову, его душа требовала перемен.

Рекрутов набирал мушаркису – придворный вельможа по имени Шарру-эмуррани. Центральные сборные пункты располагались в Кальху, Ниневии и Дур-Шаррукине. Здесь находились писцы, офицеры, обучавшие новобранцев, а также периодически происходили воинские смотры, которые проводил как сам царь, так и его высокопоставленные вельможи.

Эрибу определили в Арамейскую кицру³⁷ – одно из самых старых воинских подразделений Земли Ашшур. Кицрой командовал раб-кицри, старый солдат, который был жесток до предела. Эрибу отлично стрелял из лука, поэтому его назначили в отделение лучников. Мало того, спустя некоторое время он даже стал десятником – раб-эширте. А все потому, что он с честью выдержал все издевательства раб-кицри, гонявшего солдат до седьмого пота.

В конечном итоге командир кицры признал, что Эрибу стреляет не хуже превосходных лучников-итуэйцев, которых набирали из одноименного арамейского племени с берегов Идигна. В пару ему дали дюжего куррейца, копейщика и щитоносца, обладающего большой силой, но не шибко умного. Зато огромный, плетенный из прутьев щит с загнутым верхом, который хорошо защищал лучника от навесного огня, курреец мог держать сколь угодно долго. Казалось, что он не знает усталости.

Летний месяц дуузу неслучайно был выбран мудрым богом Ниншику в качестве начала сезона военных походов. В Земле Ашшур как раз заканчивался сбор урожая, и многочисленные земледельцы освобождались для несения военной повинности. Именно в это время отец Шаррукина, великий Тукульти-апал-Эшарра³⁸, создатель непобедимой армии ашшурцев, предпочитал проводить полномасштабные военные кампании с привлечением большого количества цаб-шарри.

---

³⁷ Кицра – узел (*арам.*); когорта. Тексты из Нимруда (716–710 гг.) упоминают о пяти когортах. Наиболее значимой, крупной и старейшей была Ассирийская когорта, затем шла Арамейская и когорты городов Аррапки, Арцухина и Арбелы; в 709 г. была добавлена Халдейская когорта.

³⁸ Тукульти-апал-Эшарра – «Защити наследника Эшарра» (*ассир.*). Тиглатпаласар III, царь Ассирии в 745–727 гг. до н. э.

Конечно, наличие профессиональных воинов кицир-шаррути позволяло царю не ждать полного завершения мобилизации цаб-шарри, чтобы выступить в поход. Войско (эмука) могло отправиться в путь в любое время. Но даже гвардейцы, зук-шепе, подобно остальным солдатам армии, были уязвимы, так как тоже зависели от снабжения. Поэтому необходимое продовольствие и фураж стекались в центральные склады и амбары провинций, через которые следовала армия, задолго до начала похода. Шаррукин, как и его отец Тукульти-апал-Эшарра, отличался предусмотрительностью и тщательно следил за исполнением своих планов и приказов.

Воинские колонны передвигались только в прохладную часть дня, поскольку ходьба по страшной жаре сильно изматывала солдат и уменьшала их шансы в бою. А идти нужно было далеко – Шаррукин решил покончить с Урарту³⁹, богатой и сильной страной – соперницей Земли Ашшур.

Узнав из донесений своего лучшего шпиона Ашур-рисуа о том, что весной орды гимиррайя⁴⁰ нанесли жесточайшее поражение урартскому царю Урсе I⁴¹, царь решил летом воспользоваться сложившейся обстановкой. Начавшийся в месяце дуузу поход был представлен как карательная экспедиция против союзника Урсы – царя страны Зикерту⁴², все еще не приведенной ашшурами к покорности. Таким нехитрым способом Шаррукин хотел усыпить бдительность Урсы.

Молниеносность и натиск были главными в военной стратегии ашшуров. Армия двигалась очень быстро; Шаррукин предпочитал не давать противнику времени для подготовки к сражениям, а полководцы всегда старались только наступать и заканчивать сражение решительным ударом, окружив врага с тыла и флангов, не давая ему опомниться. Нередко они применяли и военную хитрость – практиковали внезапные ночные налеты на противника.

Особое значение ашшуры придавали разведке и шпионажу. Царь уделял большое внимание выведыванию планов и намерений соседних стран, особенно тех, на которые готовился напасть. Специально обученные лазутчики и шпионы пробирались в тыл врага, сеяли среди населения панические слухи, изучали настроение народа и одновременно вели агитацию в пользу Земли Ашшур, ее могучей армии. В то же время лазутчики запугивали население, стремясь морально подавить дух сопротивления войску могучего и непобедимого царя Шаррукина.

Велась война и на измор противника. Подвижные части ашшуров занимали дороги и горные перевалы, уничтожали колодцы, переправы на реках. Противник лишался при этом возможности подвозить продукты, воду, получать подкрепление. Армия стремилась избегать обходов, двигаясь в основном в прямом направлении.

Когда на пути попадались водные рубежи, их форсировали с помощью мехов, изготовленных из кожи. Воины быстро надували их воздухом, крепко завязывали и подвязывали себе под живот, что давало возможность быстро и легко переправляться на другой берег.

Если река была не очень широкая, солдаты наводили мост. Походные мосты строились быстро. Те же надувные мехи связывались друг с другом в несколько рядов, потом перебрасывались через реку, сверху наскоро клался настил из местного подсобного материала, а иногда остов даже покрывали хворостом. Построив переправу, мост также быстро снимали, и войска стремительно продвигались вперед.

Многочисленная, хорошо вооруженная армия Земли Ашшур своими смелыми атаками наводила ужас на неприятельскую пехоту и обращала ее в бегство. Войну вели продуманно, учитывали все детали, весь накопленный ранее опыт. Благодаря этому Шаррукин превратил

³⁹ Урарту, Биайнили, Ванское царство, Наири – древнее государство в юго-западной Азии, располагавшееся на территории Армянского нагорья (современная Армения, Восточная Турция, Северо-Западный Иран и часть Азербайджана).

⁴⁰ Гимиррайя, гимирру – киммерийцы. Кочевые племена, вторгшиеся в Закавказье во второй половине VIII в. до н. э. и в VII в. до н. э. и завоевавшие некоторые районы Малой Азии.

⁴¹ Урса I (ассир.) – Руса I, царь Урарту (735–714 гг. до н. э.), сын царя Сардури II. Покончил жизнь самоубийством.

⁴² Зикерту – древний Иран.

свою армию в могучую военную силу. Горе было стране, на которую обрушивалась ярость ассирийского царя...

В начале похода Шаррукин вступил в маннейскую область Сурикаш. Сюда была доставлена дань Маннеи самим царем Уллусуну с советниками и приближенными. Затем ашшурцы прошли через владения маленького зависимого царства Аллабрия в верховьях Малого Заба, где царь получил оброк конями и скотом со своего ставленника Бел-апал-иддина⁴³, заменившего смещенного два года назад Итти.

Потом Шаррукин перешел в прежде завоеванную ашшурцами область Парсуа – для того, чтобы создать у Урсы ложное представление о своих истинных намерениях. Сюда повелителю ашшурцев была доставлена подать от владык поселений с ранее покоренных территорий Мидии и областей, непосредственно примыкавших к ним – несколько табунов лошадей, много мулов и двугорбых верблюдов, – весьма ценных животных, которые могли перевозить большие тяжести, тем самым облегчая воинам ашшурцев путь, и наконец, стада рогатого скота – весомую мясную добавку к ежедневному рациону солдат.

Создавалось впечатление, что Шаррукин собирается повторить поход на Центральную Мидию, но намерения его были совершенно иными. Из Парсуа царь перевалил через горы и вступил в маннейскую область Миссу. Здесь, согласно предварительной договоренности, в крепости Зирдиакка его поджидал Уллусуну, подготовивший продовольственные склады и доставивший коней и скот для ассирийского войска. Во время совещания с Уллусуну царь, якобы по просьбе маннейского царя, обещал начать поход против Урарту – с целью возвратить Маннее утраченную ею территорию на южном и западном берегах озера Урмия.

Затем был устроен пир в честь Уллусуны и маннеев, причем царь Маннеи, хотя и был посажен ниже Шаррукина, однако выше, чем когда-то его отец Иранзу. Это было равносильно признанию Маннеи союзной державой. Здесь же были получены запоздавшие умиловительные дары от правителей двух крепостей Гизильбунды – Зизи из Аппатара и Залая из Китпата, расположенных на границе с Парсуа.

Однако, несмотря на обещание начать войну с Русой I, а может быть опять-таки, чтобы ввести неприятеля в заблуждение, Шаррукин продолжил путь из Зирдиакки по южной и юго-восточной окраине Маннеи, направляясь против Зикерту. В маннейской крепости Панзиш, пограничной как с Зикерту, так и с Андией, были собраны для похода большие запасы продовольствия. А затем царь вступил в область Лукане, на территории Метатти, царя Зикерту.

Метатти применил старую тактику – оставил свою резиденцию, крепость Парду, и укрылся на горе Уашидирикка. Однако он не ограничился этим, а срочно бросил свои воинские силы на соединение с Русой, который тем временем, услышав о намерении Шаррукина углубиться в страну Зикерту, спешил с запада с целью отрезать его с тыла и разгромить.

Разгадав этот маневр, царь опрокинул заслон, оставленный Метатти на перевале через Уишдирикку, разгромил тринадцать зикертских крепостей, после чего резко повернул на запад на занятую урартами маннейскую область Уишдиш. Там Шаррукин получил от Бел-апал-иддина подтверждение о приближении войск Урсы I. С целью выиграть время, не дожидаясь подхода основной части своих войск, царь двинулся на врага в сопровождении элитного подразделения конницы – питхаллу, крупного отряда пехоты (шепе) Син-ах-уцура⁴⁴, своего близкого друга, и нескольких колесниц.

Всего этого Эрибу, конечно же, не знал. Несмотря на чин раб-эширте, его не посвящали в замыслы командования. Главной заботой Эрибу было накормить своих воинов и напоить (что составляло определенную проблему, так как на пути не всегда встречались реки и ручьи),

⁴³ Бел-апал-иддин – Владыка даровал наследника (*ассир.*).

⁴⁴ Син-ах-уцур – Син, брата храни (*ассир.*).

следить за состоянием оружия (щитоносцы были вооружены копьями и мечами, а лучники – длинными кинжалами) и здоровьем солдат.

Что касается последнего, то более крепких и выносливых воинов, чем в подразделении раб-эширту Эрибу, трудно было найти во всей армии царя. Его руки творили чудеса: небольшие ранения солдат заживали прямо на глазах, а силы после длительного перехода восстанавливались быстро.

Подчиненные Эрибу не могли нарадоваться, что у них такой командир, но помалкивали о колдовских способностях раб-эширту – чтобы его не перевели в другую часть, на повышение. А сам он не стремился занять более высокий пост. Ему нравились дружеские отношения, которые царили среди десяти воинов его подразделения, готовность каждого немедленно прийти на выручку товарищу, пусть даже ценой собственной жизни. Но, слава богам, Нергал собирал свою кровавую жатву большей частью среди других отрядов...

Вечер выдался на удивление теплым и тихим. В горной местности, по которой шло подразделение Син-ах-уцура, куда входили лучники Эрибу, такая погода была редкостью. Здесь часто дули сильные ветра, а по ночам от холода не спасали даже костры. Тем более, что иногда их вообще запрещали зажигать – дабы не выдать расположение передового отряда ашшуров разведчикам Урарту.

Щитоносец Эрибу, которого звали Чору, колдовал над казанком, в котором булькала мясная похлебка, приправленная ароматными кореньями. Курреец кроме своей выдающейся силы обладал еще одним, несомненно, весьма ценным в походе качеством – он мог буквально из ничего сотворить вкусный обед или ужин. (Впрочем, обедать приходилось редко – отряд пехотинцев Син-ах-уцура и так с трудом поспевал за всадниками, во главе которых находился сам Шаррукин.)

В этот раз стрела удачливого Эрибу нашла отличную цель – большого горного сурка. Обычно сурки набирают вес к осени, но этот экземпляр, похоже, был чересчур прожорлив, поэтому весил, по меньшей мере, четверть билтума⁴⁵.

Обрадованный Чору, не страдающий отсутствием аппетита, тут же начал вытаскивать из своей походной сумки съедобные корешки (он жевал их по пути), быстро разделал тушку сурка и добавил в пустую чечевичную похлебку – обычный солдатский рацион – куски жирного мяса. И теперь весь десяток воинов подразделения Эрибу с вождением принюхивались к аппетитным запахам, которые исходили из казанка.

Неожиданно плотная темень, к которой добавился туман и которую не мог отодвинуть далеко даже огонь костра, зашевелилась, послышались легкие шаги, и в освещенное пространство вошел... командир гвардейцев ша-курбути, туртану⁴⁶ Син-ах-уцур! Солдаты вскочили, как ужаленные, чтобы отдать честь своему полководцу, но тот мигом приложил ладонь ко рту, и они ограничились лишь тихими возгласами: «Слава Ашшур!» Громко разговаривать в горах, а тем более кричать, было строго запрещено, ведь эхо разносило звуки очень далеко, и никто не мог поручиться, что где-нибудь поблизости не рыщут передовые дозоры армии Урарту.

– Раб-эширте, не угостишь ли ужином? – вежливо обратился Син-ах-уцур к Эрибу. – Признаюсь, – добавил он со смехом, – что меня привели к вашему костру очень аппетитные запахи.

Лишняя чашка нашлась мгновенно, и вскоре туртану уплетал за обе щеки вместе со всеми и впрямь вкусную густую похлебку. Естественно, Чору положил ему самый большой кусок мяса.

Из напитков солдатам полагалась на марше только финиковое пиво, но для Син-ах-уцура у раб-эширте нашлась фляжка превосходного урартского вина (Эрибу всегда отличался запас-

---

⁴⁵ Билтум, талант – ассиро-вавилонская мера массы. Один билтум равен 60 минам, или 30,3 кг.

⁴⁶ Туртану (*аккад.*) – командующий.

ливостью). Тургану посмаковал, отхлебнув из фляжки несколько глотков, и с благодарной улыбкой кивнул молодому десятнику.

Син-ах-уцур был другом детства царя. Он, не колеблясь, поддержал Шаррукина, когда тот узурпировал трон Земли Ашшур вопреки всем древним законам. А в тот момент это было смертельно опасно для вельмож, которые приняли сторону младшего сына Тукульти-апал-Эшарра.

Тем не менее Син-ах-уцур пошел вместе с другом до конца и в конечном итоге стал одним из самых влиятельных придворных царя. Мало того, Шаррукин вверил ему свою жизнь, назначив командиром ша-курбути. Уж чего-чего, а заговоров в государстве ашшуров хватало.

Покончив с ужином, Син-ах-уцур с удовольствием потянулся до хруста в костях, как большой кот, вежливо поблагодарил солдат за еду и сказал, – уже строго – обращаясь к Эрибу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.